

Илья Лемешкин

ИОАНН МАЛАЛА И ФОЛЬКЛОРНОЕ
СКАЗАНИЕ О СОВИИ В СОСТАВЕ
ХРОНОГРАФА 1262 Г.: ПЕРЕВОДНАЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ ХРОНИКА
И ДРЕВНЯЯ ЛИТОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сочинение Иоанна Малалы относится к числу недостаточно хорошо сохранившихся произведений. Несмотря на то, что в течение всего средневековья труд антиохийского Ритора пользовался спросом и неоднократно переводился на новые языки (латинский, грузинский, старославянский)¹, в самой Византии хроника передавалась менее тщательно. Светская предрасположенность, увлекательность и от-влекательность антично-эллинистического содержания делали ее в ряду церковно-назидательной литературы менее ценностной. Неприязнь византийского клира, нетерпимого по отношению к язычеству, в конечном итоге обернулась историковедческой скудостью.

Греческий оригинал дошел до нас в единственном списке XII века. Поздняя рукопись, по месту хранения именуемая *Оксфордской*, содержит ряд существенных лакун: полностью отсутствует первая и часть второй книги, в других местах много пропусков и сокращений². Стремясь по возможности полнее

¹ Указания на переводы, равно как и библиографию по вопросу см.: Зинаида Владимировна Удальцова, «Мировоззрение византийского хрониста Иоанна Малалы», in: *Византийский временник*, т. 32, 1971, с. 3–23.

² Оксфордский текст ниже цитируется по изданию в «Боннском корпусе» (*Corpus scriptorum historiae Byzantinae*, vol. 12): *Joannis Malalae Chronographia* ex recensione Ludovici Dindorfii, Bonnae, 1831 (далее: *Bonn.*; римской цифрой обозначается книга, арабской – страница).

воссоздать первоначальный текст, исследователи обращаются к выдержкам из Малалы в произведениях позднейших писателей, благо фрагменты и отдельные куски хроники рассыпаны по многим рукописям³. Значительную помощь в восстановлении Малалы оказывают списки, восходящие к староболгарскому переводу. К сожалению, славянский извод сохранился только на древнерусской почве. Наиболее целостно хроника читается в составе *Летописца Еллинского и Римского* (далее *Летописец*) и *Хронографа 1262 г.* (далее *Хронограф*).

Составитель *Летописца* в сильно сокращенной форме передал все XVIII кн. греческого оригинала. В отличие от *Хронографа*, *Летописец* излагал всемирную историю в самом широком диапазоне событий и фактов, поэтому, «конспектируя» множество разнородной информации, пренебрегал полнотой изображения, частными деталями и подробностями. Внутри многоголосой компиляции отрывки из Малалы тесно переплетаются с текстом из Георгия Амартола⁴.

Автор *Хронографа* отнесся к источнику избирательно, но и более бережно. В его труде нет как таковых сокращений, однако повествование обрывается уже на X книге Малалы. И по численности скрещиваемых источников, и по размаху изображения *Хронограф* уступает *Летописцу*, зато по доскональности передачи текста не имеет себе равных.

³ Напр., рукопись Парижской национальной библиотеки № 682, содержащая I кн. хроники; отрывки из рукописей Парижской национальной библиотеки № 1336 и № 1630; Тускуланские фрагменты, *Пасхальная хроника* и т. д. Перечень греческих фрагментов и переводов хроники см.: Gyula Moravcsik, *Byzantinoturcica. Zweite durchgesehene Auflage.* (Deutsche Akademie der Wissenschaften, Berlin. Institut für Griechisch- Römische Altertumskunde. Berliner Byzantinistische Arbeiten. 10-11.) Bd. I: Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. Berlin: Akademie-Verlag, 1958, p. 330-331.

⁴ *Летописец Еллинский и Римский*, т. 1-2, Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999-2001. – О соотношении фрагментов из хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы в вводной части *Летописца* см.: Олег Викторович Творогов, *Древнерусские хронографы*, Ленинград: Наука, 1975, с. 136-138, 142.

Представленный двумя списками – *Архивским*⁵ (XV в.; далее АХ) и *Виленским*⁶ (XVI в.; далее ВХ), – *Хронограф* содержит материал первостепенной важности для восстановления изначального вида Малалы. Достаточно указать на то, что само название византийской хроники доподлинно засвидетельствовано именно здесь и только здесь:

и̇зложеніе, і ѿ ѿмѣна вывешаго ѿ ѿмѣтѣ ѿ хіискаѣ веліи
каго града. сѹрїа малыа, ѿ лѣтѣлѣ мирж. ~
сѣло добро мноѹ е̇ въ кратѣцѣ сказаѣти, кѣѹѹжѹ
гла̇ зѣнѣ повѣстїи. ю̇ моѹсеѹ хронографѹ
повѣдае̇мы соѹ, и̇ діодорѹ, и̇ феѹділѹ и̇ климеѹ
нѣтѹ, и̇ діѹдорѹ, и̇ домнинѹ, и̇ еѹѹстафїе̇, и̇ и̇нѣ
много трѣбѣшїса, хронографѣ, и̇ історикѣ, и̇
творецѣ сказаѣти и̇ мнѣ по істинѣнѣ, слжчїеша//
нѣса вѣ чѣсти, и̇ вѣ лѣта црѣ. вѣшѣша въ оѹши мой,
глю̇ оѹвѹ ѿ црѣва сінона, и̇ потѹ црѣтвѹеавѣшї.
лѣпѹ е̇и, и̇же боѹдѣѹ по мнѣ писати. нѣ по сѣ̇ бл҃го//
дати дѣла. сказаѣша оѹвѹ прѣѣ списавѣшї.
мирскѹе̇ бѣтїе̇ сїце̇ сѣще̇.+ (ВХ, 10v)⁷

По тексту *Архивского* списка пространный заголовок Иоанна Малалы был переведен на язык оригинала⁸

Полнота текстового воспроизведения, необычная как на фоне греческих, так и на фоне иноязычных малаловских реали-

⁵ Рукопись бывшего Архива Министерства Иностранных дел № 279/658, ныне Российский государственный архив древних актов в Москве.

⁶ Рукопись бывшей Виленской публичной библиотеки № 109/147, ныне Рукописный отдел Библиотеки АН ЛР в Вильнюсе.

⁷ При цитировании предпочтение отдается более сохранным *Виленскому* списку; цитация по *Архивскому* хронографу оговаривается дополнительно.

⁸ Albrecht Wirth, *Aus orientalischen Chroniken*, Frankfurt a.M.: Diekerweg, 1894. – Обратный перевод, предпринятый Альбрехтом Виртом, несколько раз поправлялся: Сергей Петрович Шестаков, «Прибавление к статье: «О значении славянского перевода Малалы», in: *Византийский временник*, т. 2, вып. 3, 1895, с. 372–377; Василий Михайлович Истрин, «Первая книга хроники Иоанна Малалы», in: *Записки Императорской Академии Наук по историко-филологическому отделению*, сер. 8, т. 1, № 3, 1897, с. 1–29.

заций, ставит перед нами несколько вопросов. Почему надежное текстовое убежище Малала обрел именно в *Хронографе*? Какие части византийской хроники здесь, собственно говоря, укореняются и чем объясняется подборка используемого материала? Наконец, какую роль Иоанн Малала сыграл в древней восточнославянской письменности и, не исключено, – в средневековой балтийской литературе?

* * *

Содержательная доминанта, жанровая природа *Хронографа* привлекла внимание вскоре после обнаружения уникального памятника. Значительный интерес к хронографическому сочинению проявил Василий Михайлович Истрин. Исходя из заведомого положения, будто «из всей хроники Малалы в сборник взято только то, что связано с историей евреев»⁹, ученый протограф *Виленского* и *Архивского* списков скороспешно окрестил *Иудейским* хронографом. Правомерность такого утверждения и вытекающего из него жанрового обозначения вызвали серьезные сомнения. Аргументация приблизительно такова. *Хронограф* содержит значительный текстовый массив, не имеющий к «истории евреев» прямого отношения: I, II, IV и V книги Малалы, *Александрия*, статьи Палладия о рахманах. То, что здесь читается *История Иудейской войны* Иосифа Флавия, ввиду широкой распространенности *Истории*, опять-таки не имеет решающего значения. В противном случае, как справедливо заметил Олег Викторович Творогов, мы вынуждены были бы присвоить такую же характеристику и ко многим другим памятникам¹⁰.

Для понимания действительной природы вещей автор *Древнерусских хронографов* задается первоочередным вопросом:

⁹ Василий Михайлович Истрин, *Александрия русских хронографов: Исследование и текст*, Москва, 1893, с. 351.

¹⁰ Олег Викторович Творогов, *Древнерусские хронографы*, с. 16–17.

в каком виде, где и какие тексты переводной хроники нашли применение на русской почве? Древнерусские компиляции передают Малалу далеко не одинаково. В противоположность иным сводам всемирно-исторической направленности¹¹, *Хронограф* практически полностью сохраняет *все мифологические книги* Малалы (I–II, IV–V). Библейская история (III) здесь выпускается, а исторические книги (VI–X) переданы бегло, с целым рядом существенных лакун. Уже подборка переводных книг, полнота их передачи позволяют использование Малалы и появление на его основе *Хронографа* напрямую связать с живым интересом Древней Руси к античным мифам.

Благодаря *Хронографу*, греко-римская «мифологическая энциклопедия» приобретает новую жизнь, новое хождение на территории восточно-славянских княжеств. Конструируя свой хронограф, книжник берет из перевода то, что так или иначе связано с древними мифами и легендами¹². Следуя духу Малалы и опираясь на текст его же хроники, автор свода объединяет легендарную античную и библейскую историю. На этом он не останавливается, а, развивая легендарно-мифическую специфику своего сочинения, неожиданно, но и вполне закономерно обращается к произведению живого фольклора, к современной мифологии.

Книжник привлекает древнебалтийское мифическое сказание. Из *Хронографа* мы узнаем о некоем «человеке» по имени Совий, который для преодоления «ворот великого ограждения» вылавливает «дивого вепря». Непослушные дети, которым было

¹¹ Летописцу, другим древнерусским сводам, где присутствует Малала, напр.: *Хронографу по великому изложению, Академическому хронографу, Софийскому хронографу* и т. д.

¹² Особого рассмотрения заслуживает вопрос, что автор воспринимал как легендарно-мифическое, а что – как реально-историческое. Привлечение исторического материала (из VI–X кн. Малалы), не менее экзотического для писателя, объясняем невозможностью строгого отграничения одного от другого.

поручено испечь девять селезенок, сами съедают добычу, а отец, гневаясь, решает уйти в мир иной. Желаемого Совий достигает через «девятые ворота» при обязательной помощи младшего сына, который позднее, укрываясь от гнева своих братьев, вынуждено следует за отцом. Далее следует потусторонняя, загробная часть мифа. Оказавшись на том свете, отец и сын выясняют наилучший способ погребения. Захоронения в земле и на деревьях признаются неудобными: в первом случае умершего изедают змеи и черви, во втором – пчелы, осы и комары. С третьей попытки выбор делается в пользу трупосожжения, при котором тело обретает покой «словно в воздухе» (оригинальный текст Совьева сказания, влияющий на текст Малалы, приведен в приложении)¹³.

То, что выше было сказано относительно мифологических книг Малалы, в равной мере распространяется и на Совьево сказание – фольклорный нарратив передан на удивление подробно. Из других средневековых памятников нам известно лишь то, что у балтов был фольклор. В житии Войтеха-Адальберта Пражского сказано, что древние пруссы, расправившись со святым, «laeto clamore sua scelera laudantes, reversi sunt unusquisque ad proprias sedes»¹⁴, однако, что за «веселые песни» они распевали, о чем и как, остается загадкой. Изредка в средневековых анналах проскальзывают формульные вкрапления из плачей, княжеских присяг, пословицы, поговорки и только. *Хронограф* составляет редчайшее исключение, когда целостно фиксируется произведение нарративного фольклора.

¹³ В приложении приводятся, по обоим известным спискам, полная и краткая редакции Совьева сказания. Текст сопровождается необходимыми ссылками и комментариями, поэтому при его цитировании здесь и далее сноски не делаются.

¹⁴ Цит. по: „Vita s. Adalberti episcopi, c. 998–999“, in: *Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai*, t. 1: *Nuo seniausių laikų iki XV amžiaus pabaigos*, sudarė Norbertas Vėlius, Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996, p. 173.

Уникальный фольклорный документ в составе свода занимает не менее исключительное положение. Каждое новое слово *Хронографа* украшает киноварное заглавие, каждый тематический блок, маломальское смысловое единство начинаются с инициала. Кроме этого здесь же находятся *связочные элементы*. Они служат переходниками от одного источника к другому и, подготавливая читателя к дальнейшему изложению, сжато излагают содержимое следующего повествовательного блока. Редкие связочные части призваны восполнить компилятивный шов, ознаменовать начало нового текста, важного для писателя. На одну из таких связок мы уже указали. *Хронограф* открывает *Шестоднев* Иоанна Экзарха. После событий первых дней творения, в конце шестого дня-слова находится первый по очереди связочный элемент – пространное заглавие хроники Малалы (см. выше). Далее, с седьмого и вплоть до тридцать третьего слова, в тесном переплетении с основополагающей библейской историей преподносятся древнегреческие мифы в изложении Иоанна Малалы.

Совьево сказание располагается «внутри Малалы», а именно в 18 слове *Хронографа*, однако уже в конце 17 слова заблаговременно помещена связочная часть – краткая редакция балтийского мифа. Совьев миф «краткого изложения» в композиционном отношении занимает такое же исключительное положение, что и заглавие Малалы. Обе связки – и заглавие Малалы (кон. 6 сл.) и краткий Совий (кон. 17 сл.) – предуведомляют, сигнализируют о начале следующего, ценного для писателя источника. Первая связка помещается после *Шестоднева* и перед византийской хроникой, вторая – внутри Малалы перед балтийским устно-поэтическим материалом. Другие, механические и «повседневные», компиляционные швы, напр., соединение Малалы, ветхозаветных книг, апокрифов, *Бесед* Иоанна Златоуста и т. д., оставлены без особого внимания, лишены связочных нарративов.

Значимость Совьева сказания¹⁵, подкрепляемая исключительными приемами структурной организации, находит подтверждение и одновременно объяснение в плане содержания.

У Малалы изображение смерти и «студного» погребения является неотъемлемой частью жизнеописания древних героев и богов. Ахиллес, Эант и иные по радоду ёллини сжигают свои тела на крадах огненных. Прославленный Геракл самъ са въ ѿгнь възвръже и оумре (ВХ, 50v). Видя у себя, в местном балтийском окружении, продолжение древнего обычая, писатель выдает Совия за эллина: сѣ прелестъ сквернаѧ [захоронения по примеру Совия] прѣиде в нѣ ѿ ёллинъ. Антикизируя Совия, вписывая местную языческую историю во всемирно-исторический контекст, автор объясняет, развивает Малалу. Из византийской хроники писатель узнает о многих древних способах погребения. На один «детский» вопрос он все же не нашел ответ. *Почему* мартирологическая хаотичность постепенно сводится к обряду кремации, чем трупосожжение лучше? Вот эту дополнительную информацию, отсутствующую у Малалы, книжник и черпает из «живой старины», из балтийского этиологического предания о закреплении традиции трупосожжения. На примере псевдо-эллино-Совия объясняется, *почему* надо сжигать умерших и как этот обычай завелся у балгов.

Хронографическое сказание привлекает спаянностью с Малалой, полнотой, своего рода историчностью¹⁶, но не ограничивается любопытной погребальной коллизией. Рассказ дополня-

¹⁵ Необходимо особо подчеркнуть, что с Совием приоткрывается завеса над авторством памятника. Совьево сказание – единственное место *Хроники*, где писатель, датируя свой труд, от первого лица и в полный голос заявляет о себе и о своей литературной позиции: $\overline{\text{лѣ}}$ же $\overline{\text{имѣю}}$ ѿ $\overline{\text{двѣмелехд}}$, и м ногогѡ роду сквернаго собьнѧ, до сего лѣта ена^ж начахѡ^м писати кнѣгы сѣ, ёсть $\overline{\text{лѣ}}$ во. $\overline{\text{лѣ}}$. и $\overline{\text{лѣ}}$ и. $\overline{\text{м}}$. и. $\overline{\text{с}}$. $\overline{\text{лѣ}}$ тоѡ было.

¹⁶ Древним балтам были известны три способа захоронения: труположение, трупосожжение и вознесение останков на деревья. Первые два подтверждаются археологическими данными. Реликты последнего обряда, ве-

ется подробным аналитическим (литературным) приложением. Создатель *Хронографа* закрепляет за Совием заслугу культурного первоупорядителя, т.н. культурного героя. Именно он устанавливает действующий порядок, обычай приносить жертву Андею, Перуну, Жворуне и др. Мифологизированный первоупорядок, согласно хронографической статье, является попечителем многих народов: литовцев, ятвягов, прусов, ливов и т.д. Все они считают Совия *своим* богом и поэтому величают себя *совицею*. Тут же очерчивается центральная, с точки зрения мифотекста, функция героя – родового загробного помощника, проводника в мир иной (см. прил.).

Развернутая повествовательная база, осознание функции этиологического героя, соблюдение норм фольклорной поэтики, – все это убеждает нас в том, что произведение запечатлено с опорой на собственный житейский опыт по памяти, а не с чьих-либо слов. Перед нами именно запись устного текста, а не вольное его переложение.

Итак, работая с *Хронографом*, мы имеем дело, во-первых, с целостной подборкой мифологических книг Малалы, во-вторых, с уникальной фиксацией фольклорного этиологического сказания. Комбинация двух составляющих, на равных правах – как по полноте подачи, так и по структурному оформлению – вводимых в состав свода, помогают понять настоящую природу памятника. Книжника, надо полагать, привлекли легендарные образцы. В результате кропотливого труда, целенаправленного соединения Совия и Малалы, появился своеобразный хронограф-мифосвод,

роятно, сохранились у литовцев-аукштайтов вплоть до XVI в.: „Infantes sine baptismo mortuos (solum enim baptismum ex christianae religionis articulis tenent et servant, Christum et de Christo reliqua omnia ignorant) in tilia, quam sacram appellabant, cadaver infantis reponebant, asserentes huiusmodi nefas esse terrae mandare, propterea quod illa sancta esset“, см.: „Jacobus Lavinski S.J. Joanni Paulo Campano [epistola], 1583“, in: *Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai*, t. 2: *XVI amžius*, sudarė Norbertas Vėlius, Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2001, p. 173, p. 607.

охватывающий легендарную историю от сотворения мира и вплоть до современности (балтийской).

Хронографический Малала и Совий (за последним закрепляются авторство и датировка всего памятника), без всякого сомнения, друг друга дополняют, взаимно развивают, однако в науке продолжают изучаться изолированно. До сих пор *Хронограф* воспринимается на правах «хранилища» редких текстов, литературные же интенции, важные для понимания целого произведения и органичных частей в него входящих, обходятся стороной. Остановимся подробнее на литературно-художественной подоплеке хронографического сочинения.

Древний текст о Совии отличается интересной языковой особенностью. Начиная с конца 17 слова, т. е. с краткой редакции балтийского мифа и вплоть до окончания Совьева сказания, словно из рога изобилия сыплется *dativus absolutus*. На короткий текст приходится сразу 12 таких оборотов, что составляет более 80% от общего числа примеров¹⁷. Если примем во внимание, что в древнерусских памятниках, отражающих живую разговорную речь, дательный самостоятельный (далее ДС) отсутствует, столь большой показатель настораживает. Напр., в корпусе 1043 берестяных грамот не засвидетельствовано ни одного подобного случая. Интенсивность и многообразие¹⁸ употребления ДС дает повод задуматься, является ли его использование здесь исконно русским.

В древнем литовском и латышском языках ДС был широко распространен. Если в славянских текстах употребление оборота всегда спорно, то балтийские тексты вполне надежны¹⁹. При

¹⁷ Учтен текстовый массив первой части *Хронографа*, т. н. «Книги бытийской» (первых 37 сл., 95 л).

¹⁸ С особым и тем же самым субъектом, что и часть предложения с главным сказуемым; с опущенным субъектом; ДС, вводящий прямую речь; со значением временным, причинным, причинно-временным.

¹⁹ Только в бреткунасовой *Постилле* 1591 г. более 60 единиц. О типологии и генезисе балтийского ДС см.: Vytautas Ambrazas, *Lietuvių kalbos dalyvių isto-*

переводе с немецкого ДС замещал придаточные конструкции на *da, als, wenn, weil* и т. д.; при переводе с польского – *gdy*. Переводческая деятельность, таким образом, никак не способствовала, а, наоборот, стесняла использование свободного падежа. О народном характере ДС говорит факт его активного использования в диалектах и фольклоре, особенно в песнях, где его употребление поддерживалось ритмической организацией (то же самое нельзя сказать о русских песнях). Необычное нанизывание ДС, встречаемое нами в *Хронографе*, точнее, только в одной его части – балтийском сказании о Совии,²⁰ по всей видимости, связано с проявлением языковой интерференции. Пишущий или по ходу калькировал иноязычный текст, или использовал имеющиеся, по происхождению балтийские, синтаксические модели. Иначе объяснить это место мы не можем.

Чрезмерное использование ДС, так или иначе, приводит к многозначности, неясности текста. Главная трудность заключается в установлении субъекта главного и второстепенного действия. Первое предложение открывает ДС с тем же самым субъектом действия, что и в части предложения с глагольным

rinė sintaksė, Vilnius: Mokslas, 1979, p. 129–140; Idem, *Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков=Vergleichende Syntax der Baltischen Partizipien=Baltų kalbų dalyvių lyginamoji sintaksė*, Вильнюс: Мокслас, 1990, с. 163–179.

²⁰ Атипичное (с точки зрения древнерусского языка) использование ДС ограничивается пределами древнебалтийского фольклорного нарратива. Абсолютный падеж является надежным атрибутом народнопоэтического текста. Там, где фольклорное произведение заканчивается и начинается его литературная обработка, там, где тот же самый писатель уже от своего имени повествует о Совии и о других вещах, ДС нет. Стоит писателю, после литературных размышлений и обобщений, снова обратиться к фольклорной сюжетике, заговорить о деяниях Совия, как ДС вновь возвращается в игру: *сію прѣльсть совію вездѣ в' нѣ, ѿ приносѣт' жрѣцѣз сквернѣ бѣмъ, ан'дїевѣ. ѿ пер'кѣнови. рѣкше грѣмъ. ѿ жеворнѣ. рѣкше свѣцѣ, ѿ телавели къ кззницѣ, сковаешѣ ѣмъ слнцѣ, ѿкъ свѣтити по земли, ѿ възвер'шю ѣмъ на нѣо слнцѣ*. Очевидно, что его употребление определялось фольклорной спецификой используемого материала, и только потом – языковыми навыками пишущего.

сказуемым: Совѣи вѣ члкъ, оуловѣвшъ ёмоу дивѣи впрѣ. ѿземѣ ѿз него
 •д• селезениць. ѿ вдасть ѣ испечи роженѣ ѿ него дѣтѣ. Следующий
 синтагматический отрывок показывает другое состояние – ДС
 здесь с особым субъектом, отличным от субъекта той части
 предложения, которая включает глагольное сказуемое: ѿнѣмѣ
 ѿзѣдши ѣ разгнѣваеса на рожѣшѣса ѿ негѣ дѣтен. покъшашеса снѣти
 въ лдъ. Установить субъект действия в приведенном отрывке по-
 могает контекст: категория числа (оуловѣвшъ ёмоу, ѿнѣмѣ ѿзѣдши
 ѣ разгнѣваеса...), конкретизирующие существительные (Совѣи,
 вратѣи, роженѣ ѿ него дѣтѣ).

Если в части, повествующей о земных приключениях героя и
 приведенной выше, опущенное и недосказанное (из-за безмер-
 ного употребления ДС) мы восстанавливаем без особого труда,
 то в дальнейшем наше понимание текста заходит в тупик. По
 мере того, как герой приобретает мифологические атрибуты,
 изображается случившееся в хтоническом мире, косвенный спо-
 соб номинации усугубляется. В позиции, где могло находиться
 имя, конкретизирующее субъект/объект, неизменно стоит
 местоимение: ѿ прѣиде [Совѣев сын] въ лдъ. ѿцѣю же вечеравшю
 с нимъ. сътвори²¹ ёмоу лѣже ѿ погребѣ и въ землѣ. наоутрѣе въпроси
 ёго. възставшима, довро ли покоише ѿмѣ. ѿномоу же въззпиешъ ѿхъ,
 чрзѣми ѿззѣденъ бѣ. ѿ гды. пакы же наоутрѣи сътвори ёмоу вечерю.
 ѿ вложшемоу и въ древо ѿ положи ѿ. наоутрѣе въпроси ѿ. ѿнъ же рече
 ѿко вчелами ѿ комары мнѣгыми снѣденъ бѣ. оухъ ми, ѿко тѣжко
 спѣ. пакы же наоутрѣе сътвори въ крадоу ѿгненоу великоу, ѿ врже
 ѿ на ѿгнь. наоутрѣе въпроси ёго. доврѣ ли почи. ѿномоу же рѣкшъ,
 ѿко дѣтишь въ колыбѣли слѣдко спахъ (АХ). В результате настой-
 чивого использования местоимений (в связке с глагольными,
 именными сказуемыми и в составе ДС) становится неясно, кто

²¹ Не ясно, каков у ДС субъект: «когда отец поужинал, отец пригото-
 вил / сын приготовил?»

же умирает первым. Не понятно, кто кого три раза укладывает спать, т. е. хоронит: отец сына или же сын отца²².

Непривычная манера изложения – нанизывание ДС и чрезмерное использование местоимения – обусловлена соблюдением норм фольклорной поэтики (отсюда строгая ограниченность пределами устно-поэтического сказания). Рассматривая текст о Совии, Бронислава Кербелите сравнивает его с восточно-славянскими аналогами, где местоимения часто обозначают черта, домового, лесового и прочую «неведомую» силу²³. С косвенным способом номинации можно до сих пор столкнуться на Русском Севере, при записи быличек, и не только. Ср., напр., пословицу литовских староверов: «Богу плохо не делах, но и *ему* [черту] не груби»²⁴. Стремление сбить с толку, избежать упоминания опасного антипода иногда приводило к любопытным грамматическим метаморфозам. На вопрос, существует ли

²² То же самое и в связочной, краткой редакции Совьева сказания: *ѡнъ же [Совьев сын] ѡзвѣже которыхъ къ ѡцѣ своємоу въ адъ. ѡгѡ въ землѣ чрѣзѣми снѣдаѣмъ быѣаше. ѡ ѡнѣми многыми. ѡ въ дрѣвѣ бчелами. и ѡсами и комари снѣдаѣмъ быѣаше. ѡмоу на крадѣ ѡгннѣи ѡзгорѣшю. ѡко на въздочѣ покоиноу быти (АХ). Не понятно, к чему относится местоимение *ѡгѡ*: к Совьеву сыну или же к ѡцѣ.*

²³ Bronislava Kerbelytė, „Algirdas Julius Greimas – mitologinių tekstų aiškintojas“, in: *Tautosakos darbai*, t. 2 (9), 1993, p. 44–53. Исследовательница находит ценный эквивалент Совию в литовском фольклоре. В волшебной сказке АТ 802С* «Kambariai danguje» («Комнаты в небе») повествуется о неопределенном мифическом существе – черепе, голове-клубке, некоем туловище (человеке без рук без ног), мертвец и т. д., – которое приводит человека к себе домой. Попавший в иной мир (на кладбище / в церковь) живой гость наедается-напивается, а затем поочередно ночует в трех разных комнатах. В первую ночь по нему ползают всякие червяки (уж и змеи / человек лежит между чудовищами / человека толкают, бьют); во вторую ночь героя одолевает тяжесть (человек лежит ни на кровати, ни на земле / лежит в котле, а слуги суют под котел дрова и т. д.). В третьей комнате светло и красиво (поют птицы / спит под перинами). Хозяин спрашивает гостя, как ему спалось, а тот или не жалуется или, так же как и в Совьевом сказании, ропщет (см.: Bronislava Kerbelytė, „Algirdas Julius Greimas – mitologinių tekstų aiškintojas“).

²⁴ *Русские пословицы Литвы*: Из собрания Елизаветы Колесниковой, издание подготовили Ю.А. Новиков, Т.С. Шадрина, Вильнюс: Вага, 1992, с. 115.

водяной, Вильо Мансикка, к примеру, получил неожиданный ответ: «Есть *оно*»²⁵.

В соответствии с устной традицией, до сих пор себя не изжившей, произведение о Совии тяготеет к неоднозначности формы. Поныне в науке не угасают споры о смысле сказания. Кто же умирает, а кто остается в живых? Одни исследователи (Альгирдас Юлюс Греймас, Владимир Топоров) утверждают, что, оказавшись на ином свете, сын сжигает отца, другие (Бронислава Кербелите), наоборот, что отец хоронит сына. По логике вещей нужно предположить, что те же самые интерпретационные проблемы стояли уже в древности. Каково же наше удивление, когда оказывается, что для древнего писателя и читателя данное место не представляло трудностей.

Списки XV–XVI вв. передают многозначный текст единообразно, без каких-либо разъясняющих разночтений. *ВХ* испещрен пометками на полях, очень много правки и внутри текста. Позднейшие маргиналии, внесенные «русской мовой» и по-польски, расшифровывают повествование, объясняют непонятные места, но рядом с заgrabной, похоронной частью мифа, казалось бы, заслуживающей пояснений, нет ни малейшей ремарки. Оказывается, средневековый переписчик и читатель не нуждался здесь в особых пояснениях, ему было все понятно. Происходит это совсем не из-за того, что когда-то знали больше, чем знаем мы, но потому, что раньше сказание о Совии воспринимали как неотъемлемую часть всего хронографического сочинения. Древний читатель в отличие от современного исследователя, по меньшей мере, прочитал все восемнадцатое слово от начала до конца.

Сразу после Совия, тут же в восемнадцатом слове и даже на одном развороте листа, повествуется о Фаре и его сгоревшем

²⁵ Вильо Мансикка, «О говоре северо-восточной части Пудожского уезда», in: *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*, т. 19, кн. 4, 1914, с. 1–31.

сыне Аране: и потѡ жӣ фара̄ лѣ̄ .р̄ .ӣ .л̄ ӣ е̄ (135) и оумре̄ жӣ же есѣ̄
лѣ̄ .с̄ .ӣ е̄ (205) бѣ̄ же ӣ тѣ̄ км̄ротворецъ̄ ѡ̄ каменїа, ӣ древа, твора, ӣ
продаа̄. растоѡашѣ̄ тако время̄ въ̄ .к̄. (20) ро̄ѣ̄. даже ӣ до толѣ̄ лѣ̄ .г̄ .ӣ .т̄.
ӣ к̄. ӣ д̄ (3025) лѣ̄ ѡ̄ адама до авраама, вѣ̄ та лѣта̄ никто̄ прѣ̄ роженї
члкъ, ѡбвѣта̄ прѣжѣ̄ оумретїа̄ ѡ̄ча. нѡ̄ ѡцѣ̄ прѣ̄ чѣ̄ снез̄ своѣ̄. наслѣ̄нники
имѣ̄нїо̄ своѣ̄ ѡ̄ставляюще̄. а̄ никто̄ глѣ̄ть ѡ̄ авелѣ̄. ӣвѡ̄ ни своѣ̄о смѣ̄ртїю̄
оумреть. нѡ̄ неколѣ̄о (ВХ, 28г). Произошедшее с Араном является
первым случаем преждевременной сыновней кончины. До Фары
всемирная история такого не знала – наследник, получив отцово
имение, всегда умирал намного позже.

Повествование строится так, что читатель не может не замети-
ть явной аналогии между Совием и его сыном, с одной сторо-
ны, и Фарой-Араном, с другой. Аран, желая спасти идолов отца
своего, добровольно бросается в огонь: оумре̄ бо̄ аранъ̄ пожарѡ̄. егѡ̄
зажже̄ авраамъ̄, пожещӣ хота̄ идолы̄ ѡ̄ца̄ своѣ̄го. вшѣ̄ же̄ аранъ̄ ӣз'нести
ѡ̄ хота, ӣ самъ̄ съгорѣ̄. сего̄ ра̄ чѡвеса̄ бжїю̄ ӣсписанїю̄. на̄ знамена̄
гл̄щи. ӣ оумре̄ ар̄о̄ прѣ̄ фараю̄ ѡ̄цѣ̄мъ̄ своѣ̄м (там же). Совий, испыты-
вая наилучший способ погребения, предает свое чадо огню, сын
добровольно дает себя «сжечь». Будучи гостем в мире ином и
предметом манипуляции в руках мифического существа, сын
Совия получает полезную информацию, а затем благополучно
возвращается восвояси, где наследует «имение отца своего» и
распространяет среди сородичей подобающий похоронный об-
ряд. Наследование отцовского имени младшим сыном, обычное
для сказочных нарративов, происходит в полном согласии со
средневековой всемирно-исторической хронографией, ибо до
Фары-Арана так было нормой.

Более подробный анализ текстовой взаимосвязи не остав-
ляет сомнений в том, что умещение Совия в составе древнего
памятника строго осмыслено. Для того, чтобы смысл устно-
традиционного нарратива стал вполне понятен (без вмешательства
в него), книжник помещает Совия в позицию смысловой

дифференциации – перед Фарой-Араном. Если бы Совий был помещен после Арана, то содержимое мифа можно было бы толковать по-разному: умершим мог бы быть как Совий, так и его сын. Постпозиция по отношению к Фаре обязательно потребовала бы конкретизации, по меньшей мере на полях, кто умирает первым. Древнерусский книжник помещает Совия непосредственно перед Фарой-Араном и таким образом избегает текстовой неопределенности. Первым умирает отец, ибо до Арана иначе быть просто не могло.

Зачем использовать непростой комбинаторный язык, когда неизвестное можно просто назвать своим именем? Зачем столько хлопот? Ответ напрашивается сам. Древнерусский книжник целостно передает не только содержимое, но и аутентичную оболочку фольклорного произведения на сюжет АТ 802С (*Каталог Аарне-Томсона*, см. прим. № 23). Имеющийся под рукой устный текст книжник мог в корне изменить, по-своему объяснить непонятные места, восполнить пропуски и даже перевернуть. Ничего подобного не происходит. Пишущий заранее знает обо всех сложностях, связанных с табуизированным, местоименным способом номинации, но, оставляя боязливую фольклорную материю без изменения, искусно объясняет смысл сказания при помощи позиционного окружения. Создается впечатление, что автор, блистающий литературным мастерством, не изжил веру в подлинность изображаемого, не осмеливается тревожить уходящие, но все еще актуальные тени.

Выяснив, что располагается после балтийского сказания, «переметнем» текст назад и посмотрим, что Совию предшествует. Забегая вперед, отметим, что и здесь перед нашими глазами со всей очевидностью проступают литературная мотивация, приемы художественной организации текста.

В работах, посвященных источниковедению древнерусских всемирно-исторических сводов, уже до нас сформулирована

проблема 16–17 слова *Хронографа*. Данная часть памятника интересна тем, что избобилует античными мифами (кратчайшими пересказами избранных сюжетов) и не находит прямого текстуального соответствия у Малалы. Сличение с *Оксфордским списком* и *Парижской рукописью* № 682 выявляют важные точки соприкосновения, однако они кажутся недостаточными, чтобы говорить о текстуальном тождестве или родстве²⁶. Чтобы понять качество и художественную природу проблемных слов, необходимо, как нам представляется, взглянуть на них с перспективы местно-балтийского сказания о Совии. Горстка миниатюр из античной мифологии (в том составе, в каком нам известна), может, далеко не случайно располагается *перед* Совием.

Как уже было отмечено выше, традиция, заложенная Совием, выводится за рамки исключительно локальной диковинки. Книжник использует фольклорное сказание и Малалу в целях антикизации балтийской старины. «Скверная прелесть пришла к ним от эллинов», и поэтому поведение балтов по Совьеву указанию в тексте сказания прямо соотносится с обычаями древних греков: ꙗзыкы, ꙗ совѣцею наричѹтса. мнѡше ꙗ дшѡ своимь свѣа провѡника въ адъ, совьѡ, вывѣшемъ в лѣта ѡвимѣ хѡ, ꙗ ꙗ ннѣ мрѣва телеса своѡ сѣжѣгаю, на крадѡ. ꙗко ѡ хилеѡ. ꙗ ѡантѣ. ꙗ ини

²⁶ Показателен в этом отношении опыт сравнительного изучения текста Олега Викторовича Творогова. В итоговом сочинении, посвященном русским хронографам, ученый высказал предположение, что «в распоряжении древнерусских книжников находился текст Хроники Малалы в иной версии, чем та, которая известна нам по Оксфордскому списку и Парижской рукописи № 682» (Олег Викторович Творогов, *Древнерусские хронографы*, с. 133). Эта особая несохранившаяся версия Малалы, по его мнению, и отразилась в 16–17 словах *Виленского* и *Архивского хронографов*. Позднее Творогов отказался от этого предположения: «Наряду с Хроникой Малалы в распоряжении древнерусских книжников, видимо, был и какой-то другой источник: его, возможно, использовали параллельно с текстом Хроники Малалы» (Олег Викторович Творогов, «Античные мифы в древнерусской литературе XI–XVI вв.», *Труды отдела древнерусской литературы*, т. 33, 1979, с. 3–31. Здесь же для нужд византологии по *VX* были впервые опубликованы 16–17 сл.).

по рāу ёліни²⁷. Подобное чтение-понимание «эллинистического» Совия требует от читателя определенной подготовки, нуждается в предварительном знакомстве с якобы родственными античными реалиями. Проблема заключается в том, что с первого по шестнадцатое слово греческая мифоистория представлена крайне слабо²⁸. Поместить элина-Совия после античных глав Малалы, где-нибудь в 33 слове, *из-за привязанности к Фаре* невозможно, поэтому книжник прибегает к внеочередному экскурсу в греко-римскую старину. Так возникает часть, в общих чертах знакомящая читателя со «славой эллинского закона», с Ахиллесом, Эантом и другой «родней» Совия.

О том, что перед нами служебное, предваряющее звено повествования, недвусмысленно говорит отрывочный, проповеднический характер 16–17 слов произведения. Содержимое проблемных слов последовательно (и всегда полнее!) дублируется в иных частях памятника. Шестнадцатое слово – по подобию

²⁷ Специфическая литературная концепция, ведущая к антиквизации прошлого, является предвестницей позднейших тенденций литовской историографии, когда благородно-римские истоки Литвы доказывались геральдически и/или посредством балтийских «латинизмов» (см.: *Хроника Быховца*, 1520–1530: бегущие от гуннов патриции во главе с Полемоном / Палеомоном останавливаются «на берегах» Немана, отсюда топоним *Литва* < лат. *litus* «берег» и т. д.)

²⁸ На отрезке между седьмым и шестнадцатым словами читаются: а) В 7 сл. краткая выдержка из 1 кн. Малалы, в АХ носящее заглавие *ѡмѣре прѣваго члѣка адама и ѡ тѣлѣси его* (ср.: *Истрин I*, 1); б) В 11 сл. из той же 1 кн. о третьем сыне Адама, Сифе, который изобретает еврейскую грамоту, придумывает имена звездам и проч. (ср.: *Истрин I*, 3). Из-за своих культурных деяний он нарекается богом, а его потомки – «сыновьями божьими». От смешения «сынов божьих» (ѡ ѡ сифа) и «дочерей человеческих» (ѡ ѡ кляна) на исторической сцене появляются гиганты (*Истрин I*, V; ср.: *Кн. Быт.* IV, 1–4); в) В 12 сл. преследование и уничтожение великанов – гигантомахия по Малале (ср.: *Истрин I*, 6–8). Книга 1 Хроники Иоанна Малалы, на которую здесь и далее производится ссылка, издана Василием Михайловичем Истриным в Записках Академии наук («Первая книга хроники Иоанна Малалы», in: *Записки Императорской Академии Наук по историко-филологическому отделению*, сер. 8, т. 1, вып. 3 СПб., 1897, с. 1–29).

одиннадцатого слова (*ВХ*, 18r-v) – изображает зарождение гигантов от сынов божьих (Сифовых) и дочерей Каиновых. Опираясь на начало пространного двадцатого слова (*ВХ*, 31v), семнадцатое преподносит выдержку о Невроде-гиганте. Тут же, на основе 20–21 слов (*ВХ*, 32r-v), схематично излагается история Урана, Крона, Зевса и Велонана. Замыкает семнадцатое слово (непосредственно перед кратким Совием) рассказ об «обожении Геракла», более полное соответствие которому находим в 22 и 31 словах (*ВХ*, 33r-v; *ВХ*, 49v) *Хронограффа*.

Те же тексты, которые в других частях хронографического сочинения излагаются предметно и обстоятельно, в 16–17 словах передаются сегментарно и схематически. Богатый подробностями, рассредоточенный по всему произведению материал, здесь изменяется до неузнаваемости. То, что составляет основу целых глав-слов, тут редуцируется и вольно перелagается при помощи нескольких общих фраз. В контексте художественного целого повторный беглый пересказ совершенно избыточен²⁹, однако для верного восприятия антикизируемого сказания полезен и даже необходим. Остановимся на одном показательном фрагменте.

Изображение Геракла – замыкающее звено «античного предисловия» к Совию. За ним преподносится краткая, а далее – в восемнадцатом слове – полная редакция балтийского мифа. Внимание писателя сосредоточивается на прославлении Геракла: *йракліи же й тотъ снъ быти діѡсъ глѣтса. въ правдѣ славе̇ зевесъ бо бы̇ съ длькмїноѹ сътвориса чл̄кѹ й съвокпїбса, й рѹ̇ йраклїа. й многы повѣды сътвори йраклїи. мнози быша ѿ йраклѣа. пръво̇ славныи йлосъ цр̄ь. ѿ него̇ лакедем̄сти цр̄ве вси по р̄а̇ ѣлинскъ,*

²⁹ Переписчик АХ, не видя художественной необходимости, отказывается от дубликации текста. Полностью выпускаются 20–22 и первая пол. 23 сл. (ср.: *Истрин* I, 14–23; в *ВХ*, 31v–34r). Отсутствие текста объясняется наличием дублетного материала в 16–17 сл. Переписчик АХ по мере работы наткнулся на описание тех же самых событий и лиц, что и в античном «предисловии» к Совию, и решил избежать повторов.

неявими^М прибѣгаѣ, басни хвалаше своа дѣды ѡнъ сѣи дръгый йраклѣи (ВХ, 27г). Достаточно проработать «Книгу бытийскую», чтобы заметить необычность этого места. Книжно-письменный способ передачи информации в *Хронографѣ* однозначно доминирует. Привычная фраза – ѡ не^М же премѣн^Мй ... повесть списа – неизменно указывает на какой-либо письменный источник. В случае с Гераклом прославление героя неожиданно, но в преддверии Совия и вполне закономерно приобретает оттенок устно-поэтического воспевания. Многочисленные потомки хвалят своего предка *баснями* (басни хвалаше), т. е. «сказками». Благодаря использованию глагольных форм настоящего времени («обращаются за помощью к неявным, сказками восхваляя своих дедов») создается впечатление, что сказкотворчество о Геракле происходит теперь, в современности.

Откуда берется «обожение Геракла», для нас остается загадкой. Фрагмент, отсылающий к хвалебным басням, в той форме, в какой он до нас дошел, может быть целиком вымышленным (для нужд следом идущего фольклорного сказания), но и текстуально воспроизводимым. Даже в том случае, если перед нами цитация неизвестного нам источника, ценен сам выбор, факт умещения *баснословного* Геракла непосредственно перед *фольклорным* Совием. Препозиционное изображение якобы живой фольклорной традиции позволяет наметить авторское обозначение того, что сейчас мы называем Совьевым сказанием. При помощи вставного текста о Геракле, «неясного для понимания» (Творогов), осуществляется жанровая инкрустация следом идущей *Совьевой басни*.

Смысловая и текстовая взаимосвязь двух сказок этим не исчерпывается. Автор свода возвращается к Гераклу еще дважды. Наиболее любопытен эпизод, в котором описываются атрибуты античного богочеловека (из первой кн. Малалы). Геракл изображается имущим палицу, держащим три яблока и – живущим

в «львиной яме». Атрибуты, закрепленные за персонажем в эпоху поздней античности³⁰, были призваны подчеркнуть мудрость героя. Яблоки символизировали три добродетели (не быти гнѣликомъ, нѣ златолюбѣ, нѣ блѣникѣ), палица – победу над «злыми похотями». Твердость ума должна символизировать львиная шкура, однако она в вильнюсском списке *Хронографа* заменяется (случайно ли?) пребыванием в львиной яме:

Малала

τῆ γὰρ θηβαία Ἀλκμήνη τῆ γυναικί Ἀμφιτρώωνος μετὰ ταύτης συνεμίγν, ἀφ' ἧς ἔσχεν ἄλλον υἱὸν ὀνόματι Ἦρακλέα τὸν Ἀλκμήνης, ὅστις ἐκλήθη τρίσπερος. οὗτος κατέδειξεν πρῶτος τὸ φιλοσοφεῖν ἐν τοῖς ἑσπερίοις μέρεσιν τουτέστιν ἐν τοῖς δυτικοῖς. Τοῦτον ἀποθεώσαντες οἱ ἐκ τοῦ γένους αὐτοῦ μετὰ τὴν αὐτοῦ τελευτὴν ἐκάλεσαν ἐν τῷ οὐρανῷ ἀστέρα ἐπ' ὀνόματι αὐτοῦ τὸν ἀστέρα χιτῶνα Ἦρακλέους, ὃν γράφουσιν δωρὰν λέοντος φοροῦντα καὶ ρῶπαλον φέροντα τρία μῆλα κρατοῦντα, ἅπερ μῆλα τρία ἀμυθολόγησας τῷ ρωπάλῳ φονεύσαντα τὸν δράκοντα τουτέστιν νικήσαντα τὸν κοικίλον τῆς πονηρᾶς ἐπιθυμίας λογισμὸν διὰ τοῦ ρωπάλου τῆς φιλοσοφίας, ἔχοντα περιβόλαιον τὸ γενναῖον φρόνημα ὡς δωρὰν λέοντος, καὶ οὕτως ἀφειλάμενον τὰ τρία μῆλα ἅπερ ἐστὶν τὰς τρεῖς ἀρετὰς τὸ μὴ φυλαργυρεῖν τὸ μὴ φιληδονεῖν.

(*Истрин I, XXI*)

Хронограф 1262 г.

Фивѣи вѣ глѣтъ длькѣминѣ женѣ, дѣитриѡни прѣмѣснѣса. рѣтѣ ѡ нѣа снѣз ѡменѣ, ѡраклѣ, длькѣмѣнинѣ. ѣгѣ ѡракла наричѣо трѣмѣрѣана. тоѡ показа прѣвѣѣ вѣ вѣрнѣи частѣ моѡростѣ, рекше вѣ запѣнѣи страпѣ, сего оѡбоживше ѡ ѡ плѣмѣни ѣ, прозваша зѣвѣѣоу на нѣси по ѡмени ѣгѣ, зѣврѣорѣнаго ѡ(ра)клѣ. ѣгѣ глѣтъ вѣ ѡме левѣе вѣживѣоѡша, ѡ палицѣ ѡмѣша, ѡ трѣ ѡблѣзка ѣмѣ ѡѣмѣшо, вѣ кошѣнѣ глѣотѣ, ѡ палицѣѣ оѡвнѣшѣо смѣа. рекше ѡдолѣвша частѣи злѣи похотѣ, оѡма мѣрѣстѣю. дкы палицѣѣо ходѣша вѣ котызѣ, дкы вѣ лѣвѣи ѡмѣ. вѣ тѣрдѣ оѡмѣ. ѡ тако ѡѣмша трѣ ѡблѣзка, ѣ сѣѣо трѣѣ добрѣи нѣрѣви. ѣ не быти гнѣликомѣ, нѣ златолюбѣ. нѣ блѣникѣ

(ВХ, 33г)

³⁰ Владимир Григорьевич Борухович, «Примечания», in: Аполлодор. Мифологическая библиотека, Ленинград: Наука, 1972, с. 154.

Неточность текста никак нельзя объяснять некомпетентностью переводчика. Малала был переведен грамотно, без ошибок. Точный перевод данного места читаем в *Летописце Еллинском и Римском*³¹. Отход от оригинала, т. е. неожиданное вселение героя в яму (вместо первоначального атрибута – львиная шкура), по всей вероятности, навеяны сказанием о хтоническом Совии. Ориентация на устное слово, о которой была речь выше, в приведенном отрывке прослеживается в очередной «неточности» перевода: гл̄ть̄ вместо γράφσiv.

По мере дальнейшего изложения главный акцент переносится на последние дни земной жизни Геракла, на изображение его смерти: в̄з т̄а л̄б̄та й̄раклис̄з тризник̄з, велик̄iа тризны с̄зтворѣв̄и, ш̄ѣ' в' лив̄искоу стр̄ану, с̄ниде са с̄з а̄н'т̄īw̄, творащомоӯ ӣ томоӯ земныа̄ тризны, ӣ ѡдолъв̄е̄ ѣмоӯ, й̄раклис̄з, ӣ оӯби ӣ, ӣ й̄раклис̄з по ѡдолъв̄ӣн̄ разболъв̄са сам̄са в̄з ѡгнь̄ в̄звръже̄ ӣ оумре̄ (BX, 49v). Никаких дополнительных деталей о самосожжении на горе Эта при посредничестве Филоктета в тексте *Хронографа* нет, и, тем не менее, главная общность налицо. Так же как и в балтийском сказании, Геракл, ноудаса м̄р̄зствоѣл̄, добровольно покидает этот свет, причем и там, и здесь выбор единообразно делается в пользу кремации.

Таким образом, возносимый в эллинских «баснях» человек-полубог, с именем которого связывается добровольная кончина в огне и «жизнь в яме», подготавливает почву для балтийской этиологемы, переводит читателя из «родственной» античной мифоистории в балтийскую. Повествование о Геракле предвещает, подкрепляет и доказывает античные корни Совия. Говорить об источнике этой дублетной части крайне затруднительно. Если бы действительно текстуально точно воспроизводилось какое-либо произведение, правомер-

³¹ *Летописец Еллинский и Римский*, т. 2, Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001, с. 9.

ность источниковедческого поиска не вызывала бы сомнений. Древнерусский книжник ограничивается импровизационной пропедевтикой. Из перевода Иоанна Малалы повторно (перед балтийским сказанием) выхватывается преимущественно то, что каким-то образом припоминает, связано с Совием.

«Пример» Геракла не единичен, обще-родственных сюжетных параллелей здесь куда больше. Сопоставление Совия и его античных образчиков заслуживает специального рассмотрения. Для целей нашей работы вполне исчерпывающей является констатация следующей текстовой закономерности: на протяжении 16–17 слов книжник по своему усмотрению, часто своими словами и приблизительно, перелагает (и приспособливает) некоторые *полезные* (для балтийского сказания) места византийской хроники. Подборка предваряющего материала (не имеющая точного соответствия ни в каком другом переводном произведении) обусловлена центральной задачей – дать «родственную» эллинистическую базу следом идущему «античному» Совию, доказать всемирно-историческую принадлежность местного героя.

Можно выявить другие случаи, когда местно-фольклорный нарратив о Совии влияет на переводной текст Малалы. Укажем еще один. Для наглядности параллельно приведем фрагмент из IX кн. *Хроники* и соответствующий его перевод из 107 слова *Хронографа*:

Ἦν δὲ τοῖς χρόνοις τούτοις Σωσίβιος
τις Ἀντιοχεὺς συγκλητικὸς ἀνελθὼν
μετὰ τοῦ Αὐγούστου ἐν τῇ Ῥώμῃ καὶ
τελευτᾷ καταλιπὼν τὴν πρόσοδος
αὐτοῦ τῇ ἰδίᾳ πόλει εἰς τὸ ἐπιτελεῖσθαι
ἐν αὐτῇ κατὰ πενταετηρίδα τριάκοντα
ἡμέρας τοῦ ὑπερβερεταίου μηνὸς
ἀγῶνας ἀκροαμάτων καὶ θυμελικῶν,
σκηρικῶν, πάντων καὶ ἀθλητῶν καὶ
ἵππικὸν ἀγῶνα.

вз та же лѣта сѣви (в ВХ: совіи)
нѣкто, воларинъ антиѡхна, при-
шедъ съ августомъ въ римъ, оумре
въ римѣ, пороучивъ память свою
градодъ своемоу творити на все
приходѣше .ѿ. лѣтъ .л̄. всю днѣ
иперетѣ мѣца игры скомрашскыя
и скоуколныя и всѣхъ борѣи,
сноузыныхъ и пѣшныхъ оуристанѣи.
и прѣиде въ антиѡхно

ιακ κατέφθασεν ἐν τῇ δευτέρᾳ πα-
ρουσίᾳ αὐτοῦ ὁ γαμβρὸς τοῦ αὐτοῦ
Αὐγούστου Ἀγρίππας, καὶ ἐξεχώισε τοῦ
παλαιοῦ ἱππικοῦ τὰ χῶματα ἅπερ εἶχεν
ἐκ τῶν πρώην φόβων καὶ ἐθεώρησε τὴν
πολύτροπον θεὸν ὁ αὐτός καὶ θαυμάσας
ἐξῆλθεν ἐκεῖθεν. ἔκτισε δὲ πρώην τὸ
αὐτὸ παλαιὸν καὶ τὸ παλαιὸν παλάτιον
ἐκ τῶν ἰδίων Κοῖντος δὲ Μαρκιανὸς ῥήξ
Ῥωμαίων, κατελθὼν ἐν Ἀντιοχείᾳ τῆς
Συρίας πρὸς Φίλιππον τὸν βαρῦπου
τὸν Μακεδόνα τὸν βασιλείοντα ἐν
Ἀντιοχείᾳ τυπῶσαι φόρους διδόναι
αὐτὰ Ῥωμαίοις.

ЕВЪ ВТОРОЕ ЁГО ПРИШЕСТВИЕ ЗАТЬ
АВГОУСТВОЪ АГРИПА И СЫПА ВЕТ-
ХАГО ПОЗОРИЩА ПРЪСТЬ, ІАЖЕ БЪ
НАСЫПАНА ДРЕВАНАГО СТРАХА РАДИ.
И ВНАДЪ ХИТРОСТЬ ВЕЛИКОУ ДЪЛА,
ПОЧЮДИЕСА, ИЪЗЫДЕ Ѡ СОУРНА. СВЪДА
ЖЕ ТОУ ПРЕЖЕ ИПОДЗРОМНѢНЪ
ВЕТХУЮ ПОЛАТУ Ѡ СВОЕГО КИНОСЪ
МАРКІАНЪ, РІКСЪ РОУМЕСКЪ, ПРИШЕДЪ
ЕЗ АНТИѠХИНО СОУРНИСКУЮ Ѡ РИМА
КЪ ФИЛИПΟΥ ТЛЪСТОНОГОМОУ, МАКИ-
ДОНУ, ЦРЪВΟΥѠЩОМУ ЕЗ АНТИѠХИИ,
ОУСТАВИТИ ДАНЪ ДАДЪТИ ЕМОУ
РОУМОМЪ. (АХ, 364)

Замена *Σωσίβιος* на *совіи* (или *сáви* < лит. *savi* «свои», см. сноску № 35) обусловлена литературной аналогией – изображением похоронных обычаев.

Приемы текстовой организации, выявленные выше, ставят перед нами вопрос о доподлинной роли и месте Совьева сказания в составе хронографического сочинения. Древний писатель, как мы имели возможность убедиться, значительно потрудился, чтобы «вплести» Совия и с ним связанную балтийскую старину в состав всемирно-исторического свода. Против наших ожиданий автор не вмешивается в устоявшееся сюжетное течение, не нарушает языковой гармонии изустного произведения. Сокрытую, в силу фольклорной обрядности, информацию автор передает искусно и искусственно, уместяя Совия в надлежащий контекст. Балтийская сказа провозглашается наследием античных времен, а потому перед ней заблаговременно выстраиваются подготовительные слова с «близкородственными» сюжетами из Малалы.

Изысканные способы «текстового плетения» совсем не увязываются с тем статусом, который традиционно закреплен за *Хронографом* и Совьевым сказанием. Художественная специфика

балтийской «гlossы» заключается в том, что по воле автора (судя по осмысленной реализации замысла, именно автора, а не писца-компилятора) Совьева «вставка» («*intarvas*») становится если не несущим каркасом, то одним из краеугольных камней всей художественной постройки³². Мало того, что книжник обращается к живому произведению фольклора, – с ним неразрывно связываются вполне определенные литературные интенции. На наших глазах, кардинально меняется соотношение литературно-письменного и фольклорно-устного, всемирно-исторического и локально-местного.

На правах умозрительного эксперимента выведем Совия из текста и посмотрим, что из этого получится. Во-первых, произведение сразу лишится авторского начала, вместе с ним автоматически исчезнет датировка памятника. Воображаемое вмешательство приведет к текстовой несоразмерности – без Совьева нарратива 18 слово как таковое просто растворится. Нередкие аллюзии и прямая ссылка (33 слово) на Совия, разбросанные по всему повествованию, станут непонятными. Наконец, подготовительные слова-части (16–17), потеряв «целевой» нарратив и безнадежно зависнув в составе *Хронографа*, на фоне более под-

³² Вплоть до 16–17 сл. хронографический свод вполне укладывается в рамки обычной компиляции, где механическое сложение составных частей дает их общую сумму и ничего более. Начиная с 16 сл. перед нами нечто большее, чем банальная компиляция, где наличие / отсутствие одного звена (из ряда ему подобных) не имеет решающего значения для восприятия художественного целого и где формальное соединение *однородных* частей вполне удовлетворяется формальной связкой типа: *се же повѣм мало нечто, еже*. Для того чтобы изобразить Совия, автор употребляет средства, совсем несвойственные для механистического компилятивного наращивания текста. Благодаря литературным устремлениям писателя, тенденции указать / доказать всемирно-историческую роль древних балтов Совьево сказание обретает автономность, позиционное превосходство (не оно, а ему подчиняются), а в тексте хронографа мы наблюдаем любопытное явление – балтийское фольклорное сказание влияет на смежные античные нарративы (изображение Геракла).

робного Малалы (20–33 слова) окажутся неуместными и просто бессмысленными. Изъятие балтийского сказания из плоти древнего памятника возможно представить исключительно в гипотетической плоскости, настолько крепко сросся и глубоко укоренился Совий в *Хронографе*. Необходимо признать, что без Совьева сказания, задающего тон художественному целому, получилось бы совсем иное произведение или, точнее сказать, никакого произведения просто не получилось бы.

Осмысленность и мастерство литературной обработки выдают замечательный литературный труд, выдающийся памятник не столько древней письменности, сколько литературы. Чтобы выяснить, на какие события рукопись откликается, достаточно предпринять небольшой исторический экскурс ко времени ее написания.

В 1251 г. Миндаугас принимает христианство, спустя два года получает литовскую корону. Ко времени коронации знакомство с христианством, а, значит, и литературным ремеслом того времени не было поверхностной новинкой. В состав Литвы входила Черная Русь со своими церквями и книжными центрами. Политические, идеологические интересы давно христианизированного, а значит и книжно образованного юго-восточного региона Литвы защищает старший сын Миндаугаса – Вайшелга (в дальнейшем православный монах, основатель Лавришевского монастыря). К сфере влияния и православному (книжному) окружению Вайшелги Миндовговича, т. е. к территории с центром в Черной Руси (Naugardukas, Valkaviskas, Slanimas, Gardinas), целесообразно возвести *Хронограф* 1262 г.³³

³³ Украинские исследовательницы Тетяна Вилкул и Катерина Кириченко склонны полагать, что *Хронограф* принадлежит к галицко-волинской «литературной школе». Для целей нашей работы не суть важно, где возник памятник: в Холме или Новогрудке. Важно, что перед нами литературный текст, отражающий «литовскую» идеологию – убедиться в этом представилась возможность в ходе дискуссий на конференции «Raštijos ir literatūros santykis: LDK patirtis» (Вильнюс, 20–21.10.2005).

Какими настроениями порожден древний памятник? Начало шестого десятилетия XIII в. для древних балтов момент поворотный. 13 июля 1260 г. состоялось решающее сражение у оз. Дурбес. Сокрушительное поражение немецкого ордена порождает цепную реакцию. Из повиновения выходят курши, 20 сентября начинается Великое прусское восстание (1260–1274), к Литве возвращается оторванная от нее Жямайтия. Отрекаясь от номинальных христианских уз³⁴, Миндаугас разгоняет немецкое духовенство и осенью 1261 г. нападает на Ливонию. В 1262 г. литовские войска разоряют Мазурию, а год спустя снова вторгаются в Ливонию. В 1263 г. место Миндаугаса занимает Трениот, Литва на целое столетие возвращается к язычеству. Под влиянием исторической ситуации, брожения в обществе и сильнейшего общепольского освободительного движения возникает *Хронограф*.

Совьево сказание, созданное в канун исторических катаклизмов, повествует о *Совице* – «своем многочисленном роде»³⁵. Обращение к Совию и Малале именно в это время не может

³⁴ По словам русского летописца, крещение Миндаугаса «льстиво бысть». Погодная статья 1258 г.

³⁵ Первую этимологию предложил Йонас Басанавичюс. По его мнению, имя фольклорного персонажа взаимосвязано с именами собственными, входящими к притяжательному местоимению «свой» (*Savis, Savas, Savukas, Savukaitis, Sabis*, žr.: Jonas Basanavičius, *Iš gyvenimo vėlių bei velnių*, Chicago, Ill.: Turtu ir sprauda „Lietuvos“ 1903, p. LVII). Похожим образом Совия интерпретировал Норбертас Велюс (т.е. < лит. *sāvas* «свой», см.: Norbertas Vėlius, „Senovės lietuvių religija ir mitologija“, in: *Krikščionybė ir jos socialinis vaidmuo Lietuvoje*, Vilnius: Mintis 1986, p. 9–42). Альгирдас Юлюс Греймас предложил отличное объяснение: < латв. *sava* «древо», лит. *šovà* «отверстие». Бронислава Кербелите дополнила этимологему французского структуралиста данными, почерпнутыми из литовских сказаний, где герой способен видеть души умерших через отверстие (цит. соч.). Владимир Топоров возвел непонятное имя собственное к древнему индоевропейскому корню **sāue-* (**sū-*, **sue-*) «солнце».

При решении этимологического вопроса остались неустраиваемыми языковые данные, содержащиеся в самом *Хронографе* и имеющие для нас первостепенное значение. Для обозначения лица владеющего и родственных отношений древнерусский книжник сначала употребляет притяжательное прилагательное *совьѣвъ*, потом родительный падеж: *многого родоу скѣбѣнаго сѣбѣа*. В 33 сл. *Хронографа*, ссылаясь на Совьево сказание, писатель

быть случайным. Сбрасывая со щитов навязанные политические компромиссы, писатель восточного обряда из Черной Руси утверждает балтов во всемирно-исторической перспективе. Возврат государства назад к язычеству, к своей античности получает под его пером литературную мотивацию и оправдание.

* * *

Итак, текст Иоанна Малалы нашел целостное пристанище в др.-рус. письменности, но одновременно и прежде всего – в памятнике древнебалтийской литературы. Мы склонны полагать, что *Хронограф* 1262 г. открывает корпус средневековых литовских памятников. В процессе формирования молодой литературы переводная хроника сыграла ключевую роль. Сочинение Малалы, отличающееся увлекательностью, динамизмом повествования, привило интерес, пристрастие к сюжетности изложения. Традиция, заложенная данным памятником, нашла продолжение и

использует загадочную словоформу *сзвъ̀на̀* с корневым вокалом в слабой позиции: *неродословенъ бы мел'хиседекъ, занѣ не сѣи ѿ сѣмене авраамла, быи нѣ мойсѣи родословенъ всѣма. быи же ѿ хананейова рода. то естъ ѿ хамова, и ѿ проклатого сѣмене и зшѣ, тѣмъ и родословѣю несповил'са, ни бо лѣѣоуобразно быи многим правдѣи прѣдѣна, сзвъ̀на̀ многого рода, неправдѣеа сего, сего рѣѣ въ мѣре въ ѿца быти ѣмоу недостойно, повѣдаа прѣвѣць довердѣтелѣи, правѣнаго мужа и цѣломоуѣрнаго, ѣко во хананѣи езистъ родъ ѣдѣ естъ, поней же ѡблада и црѣвоа странами, и хананѣисконю странаю, и лоукавыми содом'ланы (ВХ, 51v). Оборот ни... сзвъ̀на̀ многого рода соответствует началу краткой редакции балтийского нарратива *ни совѣеа* многого рода *оуѣдати воротъ великаго ѡграженѣа* и словосочетанию – *многогоу родъ сквернаго совѣѣа*.*

Вместо ожидаемого – в местоименном прилагательном – окончания -его (*совнего < *совнаго) наблюдаем незакономерное дублетное наращение флексии *gen. sg.* именного типа *сзвъ̀-ѣа*. С учетом билингвизма пишущего грамматический дисбаланс (*сзвъ̀на̀* многого рода) объясним влиянием балтийского языкового субстрата. По-видимому, концовка *-ѣа* продиктована «параллельными» балтийскими прономинальными формами. Ср. лит. *savo-o-jo* «своего», *ger-o-jo* «хорошего», *pirm-o-jo* «первого» и т.д. (*Совий* < вост.-балт. **seu̯as*, зап.-балт. **su̯aias* «свой»; ср.: прус. *swais*; лит. nom. *sāvas-savāsis*, gen. *sāvo-savojo* «свой, своего»).

развитие во времена Гедиминаса, в литературе эпохи ренессанса. Влиянием первого хронографа, созданного «по образцу» Малалы, например, объяснимо жанровое своеобразие позднейших литовских летописей, которые, по примеру Хронографа, не знают погодных статей и поэтому сльвут «хрониками»³⁶.

Малала, представленный в *Хронографе*, производит впечатление целостности, текстологического совершенства. Необходимо, тем не менее, считаться и с литературной доработкой текста, художественным переустройством, производимым согласно запросам и требованиям нового пользователя. Невзирая на литературное обновление некоторых мест, свод 1262 г. наиболее полно и целостно передает мифологические книги византийской хроники. «Порча» перевода, полнота и доскональность его передачи – следствие художественно-эстетического поиска-выбора, новаторства. Текстовый материал из византийской хроники служит для литературного обрамления Совия, способствует адекватной реализации писательского замысла. Без литературной подоплеки Хронографа, вполне возможно, не произошла бы и текстовая инновация Малалы. Вопрос: был бы тогда (без литературного устремления антикизировать балтийскую старину) нужен сам Малала? «Полная славянская редакция» византийской хроники, так же как и уникально-целостная фиксация фольклорного сказания, следовательно, по всей видимости, обусловлены местным балтийским литературным творчеством.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже приводится Совьева «басня» по Виленскому и отдельно Архивскому хронографам. В соответствии с издательской традицией, текст идет с разделением на слова-лексемы. Каждая

³⁶ Mečislovas Jučas, *Lietuvos metraščiai ir kronikos*, Vilnius: Aidai, 2002, p. 44–86.

строка оригинала обозначается арабской цифрой слева от текста (при цитировании указаны в круглых скобках курсивом). В случае разрыва лексемы используется знак переноса: //. Инициалы и киноварные строки подчеркиваются. Буквы, интерпретируемые неоднозначно, даются в квадратных скобках, полностью утраченные, т. е. чистые конъектуры, – в круглых.

Буквы и отдельные слова, внесенные позднее (иным почерком и чернилами), в строку не вносятся. Случаи, где надстрочное написание выступает как позднейший орфографический прием (напр., нередкие исправления аориста на перфект) исключения не составляют. Вообще все места, которые видоизменялись позднее (зачеркивались, переправлялись и т.п.), мы стремились воспроизвести в их первоначальном виде. К этому нас подтолкнуло то, что «современный» вид рукописи, успевший привести к целому ряду печальных недоразумений, всем и так хорошо известен по публикациям XIX в.³⁷

Каждый случай инновации оговаривается отдельно. Это, впрочем, не касается надстрочных знаков (´, ˘, ˙, ˚). Судя по качеству чернил, многие из них принадлежат позднему читателю-правщику. Поскольку нет надежного приема, как различить новую и старую диакритику, все надстрочные знаки в тексте сохраняются. Там, где вследствие наложения нового текста невозможно уверенно восстановить первоначальное написание, обозначается утрата текста. Длинные лакуны по количеству предполагаемых слов обозначаются многоточием (... ..).

Виленский хронограф (VX, VCh) представляет собою рукописную книгу XVI века форматом в большой лист, разлинованный на 30 строк. Текст написан крупным полууставом, без деления

³⁷ Михаил Андреевич Оболенский, «Летописец Переяславля Суздальского», in: *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских*, кн. 9, Москва, 1851, с. XIX–XXI; Флавиан Николаевич Добрянский, *Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских*, Вильна: А. Г. Сыркин, 1882, с. 249–250.

на столбцы. Краткая, связочная редакция Совьева сказания находится на л. 27г–27v; полная редакция – л. 27v–28v. Текст содержит многочисленные редакторские поправки, выполненные позднее, иным почерком и чернилами. На полях находятся приписки-замечания на древнем русском и польском языках. Глоссы пронумерованы и приведены отдельно, вне текста. Древнерусские глоссы и многочисленные следы исправлений внутри текста по характеру почерка и чернил друг другу идентичны. Всесторонняя инновация текста позволяет предположить, что рукопись пребывала в среде географически близкой к балтийскому ареалу. Об этом же свидетельствует и Глосса № 1, где Литва названа «нашей». Флавиан Добрянский сообщает, что рукопись поступила в Виленскую публичную библиотеку из Супрасльского монастыря³⁸.

Архивский хронограф (*АХ, АСb*) представляет собой рукописную книгу XV столетия форматом в большой лист, разлинованный на 40 строк. Текст идет двумя столбцами (левый – *a*, правый – *b*), мелким полууставом, переходящим в скоропись. Краткая редакция Совия находится на л. 26v(a), полная – на лл. 26v (b)–27г (a, b). В отличие от *ВХ*, следов редакторской правки практически нет, сравнительно немногочисленные случаи ее проявления соотносимы со временем возникновения рукописи. В отличие от *ВХ*, *Архивский* во многих отношениях является инновационным. Прежняя литературная концепция разрушается: из повествования выводятся «дублетные» части Малалы (сл. 20–23), старое деление на слова дополняется делением на главы. Исходя из новых принципов текстостроения, между отдельными словами оставляется свободное пространство размером в 12 строк. Сюда книжник помещает новые заголовки, большинство же пробелов оставлено невостребованным. На рубеже 18–19 сл. начинается новая глава *w* *акрамъ* како *разъмію*

³⁸ Флавиан Николаевич Добрянский, *op. cit.*, с. 249.

спов че, вследствие чего киноварное указание на прежнее *Слово девятнадцатое* стирается. *АХ* показывает, как литературное произведение живет в иную историческую эпоху и в новой среде (будучи неактуальным, Совьево сказание не привлекает внимание ни переписчика, ни читателя; из-за непонимания художественного замысла, древнебалтийских литературных задач, происходит редукция «избыточного», дублетного материала).

ВИЛЕНСКИЙ ХРОНОГРАФ

Vcb, 27r

- 1 сѡѡми кекропидѣ именовѣтса. ѣасѣ и тѡ снѣ бѣи
- 2 днѡсѣ глѣтса въправдѣ славенѣ. нѣкоѡа бѡ бѣдѡ//
- 3 ждѡю быбѣшю въ ѣладѣ. прѣидоша к нѣм старѣ//
- 4 ишинны града, молнѣ сѣѣ ѡѡа да бѣи дождѣ былѣ.
- 5 ѣакѣже^a ставѣ, и тако помолиса ѡѡю своѣмѣ, ѡ вѣ//
- 6 соѣскаго дѣиства быѣз дождѣ. ѡ нѣмѣ мнѣбѣши
- 7 ѣако ѡ ѡѡа ѣмѣ быбѣшю бѣѡ и нарицаѣх. вода многа
- 8 напои ѣладѣ. ѡтѣда оѣбѡ чѣѣ ѣакоѣ ѣлѣи. тотѣ
- 9 ражаѣ двѣ сѣа. пиленѣ. и теламона. пиленѣ ражаѣ
- 10 дхѣлѣа. а теламонѣ. ѣанѣта. и зовѣтса днѣкѣде.
- 11 чѣѣ ѡ дѣда своѣго прѣѣмлѡѣе. ираклѣи же и тотѣ
- 12 снѣз быти дѡсѣ глѣтса. въправдѣ славѣ. зевесѣ
- 13 во бѣ сѣ дѣзкмѣноѡ сѣтвориса члѣкѡ и сѣвокпѣи//
- 14 вса, и рѡ ираклѣа. и многѣ побѣды сѣтвориѣ ираклѣи.
- 15 многѣ быша ѡ ираклѣа. прѣвое славенѣи илосѣ црѣ.
- 16 ѡ неѡ лакѣдемѣсти црѣе всѣ по рѣѣ ѣлинскѣ, неѣ
- 17 нимѣи привѣгаѡѣ, басни хѣлалѣе своѣ дѣды ѡнѣсѣи
- 18 и дрѣгѣи ираклѣи, и неѣрно ѣ ѣакѡ бѣ жда смртнѣ//
- 19 и женѣ примѣсиса. оѣкорѣ же пѣ родѣ ѣго, и тѣ при//
- 20 стрѣнѣ нѣ вѣ, занѣ ко дѣзкмѣнѣ женѣ, дѣитри//
- 21 ѡнѣ примѣсиса, блоѣдѣ во творашѣ с неѡ. сѣго рѣ оѣ//
- 22 божиша ираклѣа. ~ Нѣи совѣѣва многого родѣ оѣвѣ//
- 23 дати воротѣ великаго ѡграженѣа. оѣловнѣш днѣ//
- 24 вѣи вѣпрѣ, стѡѣнѣ дѣлѣе тѣи пиѣѣ, и кѣшаѣ//
- 25 шѣ прѣйти въ дѣдѣ, неѣвозмоѣшѣ же са ѣмѣ прѣйти

26 вРАТЫ ѿсмыò вЗ ддЗ, к' дЕвАТЫ жЕ прїше^ѣ оУМОЛИ^ѣ
 27 ^лроженЫ ѿ негò, и пвсти^и и вЗ ддЗ. которАвше же сА
 28 нАНь вРАТїА егò, нАкò испвсти^и ѿцА нХЗ вЗ ддЗ.
 29 ѿнѣ^ж иЗЕБже которЫнѣ^{кз} кЗ ѿцЮ своЕМОУ вЗ ддЗ сНИ//
 30 дЕ, егò в зЕмли черЬвЫи снѣдА^м бывАѣашЕ и ннѣми мнЮ//

Vch, 27v

1 ГЫМИ, и вЗ дрЕвѣ б'чЕлами, и ѿсвАми, и камАрЫ снѣ//
 2 дАЕмЗ бывАшЕ. ЕМОУ на крадѣ ѿгнЫнѣи с'горѣвШЕ.
 3 нАкò на вЗзджсѣ покойнж выТИ.+
 Глосса 4 СКАЖЕ^{М1} поганьскЫА прѣлести выТИ сїце во и в лнѣѣ
 № 1 5 нашЕи. ~ словѣ^н нн. Совѣи бѣ члкз, оУЛОЕИ//
 6 ешЗ ЕМОУ днЕи вЕпрь. иЗЕМѣ иЗ негò ·Ѡ· сЕлЕЗЕНИ//
 7 цѣ. и ЕДАСТЬ Е испЕчи роженЫ ѿ негò дѣтѣ. ѿнѣ//
 8 мѣ иЗЕдШИ Е. рАЗГнѣвАЕСА на роЖѣшїАсА ѿ негò
 Глосса 9 дѣтЕи. покѣшАшЕСА снїТИ вЗ ддЗ. ѿсмерЫми вРА//
 № 2 10 ты не вЗЗМѡ. дЕвАТЫМИ хотѣнїЕ своЕ оУПОлЗЧИ//
 11 вЗ. нѣКОТОРОМЗ роЖЕНОМЗ ѿ негò РЕКШЕ снѣ ЕГò сКА//
 12 ЗАЕШЮ ЕМЗ ПОУ, вРАТїи же Егò негòдòбАЕШИ на нѣ.
 13 оУспросисА оУ нн^х доше, вЗЫЩЗ ѿцА своЕгò, и прїрїдА(е)м
 14 ^ввЗ ддЗ. ѿцЮ же Егò вѣрАвШЮ с нн^и, сЗТВОРИ ЕМЗ лО//
 Глосса 15 же и погрЕвЕ и вЗЕМИ. нАОУтрїЕ вЗПРОСИ Егò, вЗ//
 № 3 16 стАвШїМА, дòвРО ли покойщЕ иМѣлЗ ЕСИ. ѿНОМОУ
 17 вЗзопївшЮ, ѿ, черЬвЫи иЗѣдѣ^н бЫ, и ГАДЫ. ПАКЫ
 18 нАОУтрїи с'ТВОРИ ЕМЗ вѣрЮ, и Елò... ..^с
 19 и ПОЛОЖИ^р и. нАОУтрїЕ вЗПРОСИ и, онѣ^ж рѣ нАкò б'чЕлА//
 20 ми и КОМАРЫ МНОГЫМИ снѣдѣ^н бЫ, оУХЗ^т мнѣ, нАкò
 21 тАКО СПА, ПАКЫ нАОУтрїЕ сЗТВОРИВЗ КРАДЗ ѿгнЫ//
 22 нж вЕЛИКѣ и вРЗжЕ и на ѿгнЫ. нАОУтрїЕ же вЗПРОСИ
 23 Егò, дòвРѣ ли почнѣ^с ЕСИ, ѿНОМОУ РЕКШЮ нАкò дѣтї//
 24 шѣ в КОЛЫБЕЛИ слАКО СПА. ѿ вЕЛИКАА прѣлЕСТЬ дїА//
 25 вол'сКАА, нА вЗвЕдЕ вЗ ЛИТОВ'скЫи рò^ѣ, и вЗ нАТЕВѣЗИ,
 26 и вЗ прѣсы, и вЗ ЕМЗ, и лнѣЗ, и иНЫА МНОГїА
 27 нАЗЫкЫ, и совѣцЕНО нАричнотСА. мнАЩЕ и дшА^м сво//
 28 иМь свшА провòбника вЗ ддЗ, совьнА, бЫвШЕмЗ в лѣ//
 29 тА дВимЕ^ѣ хА, и и ннѣ мрѢтвА телЕСА своА сЗЖїГА//
 30 ю, на крадА. нАкò АХилЕѡ. и Елн'тѣ. и иНїи по рАѣ

- 1 ́ЕЛІНИ. СІЮ ПРѢЛЕСТЬ СОВІНО ВЗЕДЕ Е' НѢ, ѿ ПРИНОСИ' Глосса № 4
- 2 жрѣтвꙋ скверны бгмз, андіевѣ. ѿ перꙋкви. рекше
- 3 грѣмѣ. ѿ жеворнѣ. рекше свѣце, ѿ телавели¹ кз кзѣн[и]
- 4 ц(е),^м сковаешѣ ѣмꙋ слнцѣ, ѿкдѣ свѣтити по земли, ѿ въз Глосса № 5
- 5 зверꙋгшю ѣмꙋ на нѣо слнцѣ. сѣ прелесть сквернаа прїи
- 6 де в нѣ ѿ еліиꙋ, лѣ же ѿмѣѣ ѿ авїмелеха, ѿ многоꙋ
- 7 родꙋ сквернаго совьнꙋ,^м до сего лѣта вна^ж начахѣ^м писати Глосса № 6
- 8 кнїгы сїѣ, ѣсть лѣ во .г. ѿ ѿ и .м. ѿ .с. лѣ тоѣ было. ~
- 9 [ж]илꙋ рагавꙋ родїи серꙋха .с. ѿ лѣ ѿ роди сны ѿ дщери ѿ
- 10 оꙋмꙋре. ѿ жїи серꙋ .р. ѿ .л. лѣ, ѿ роди нахора. ѿ жїи серꙋ родїи
- 11 нахора .с. лѣ ѿ ро^ѣ сны ѿ дщери ѿ оꙋмꙋре. ѿ жїи нахорꙋ .о.
- 12 ѿ .а. лѣ ѿ ро^ѣ фарꙋ. ѿ жїи нахорꙋ родїи фарꙋ .р. ѿ к ѿ а
- 13 лѣ, ѿ ро^ѣ сны ѿ дщери ѿ оꙋмꙋре. ѿ жїи фара .о. лѣ. ѿ ро^ѣ авраа
- 14 ма, ѿ нахора, ѿ арона. Сїи же бытіа фари, фара ро^ѣ авраа
- 15 ама, ѿ нахора. ѿ арона. аронꙋ ро^ѣ лѣта. ~ ѿ потꙋ
- 16 жїи фара лѣ .р. ѿ .л ѿ ѿ оꙋмꙋре. жїи же всѣх лѣ .с. ѿ ѣ
- 17 вѣ же ѿ тꙋ кꙋмїротворецꙋ ѿ каменїа, ѿ древа, теора,
- 18 ѿ продаа. растоꙋдше тако время въз .к. ро^ѣ даже ѿ до
- 19 толѣ лѣ .г. ѿ .т. ѿ к. ѿ д лѣ ѿ ама до авраама,
- 20 вѣта лѣта нїкто прѣ^ж роженꙋ члꙋкꙋ, ѿ авлаѣса прѣ
- 21 же оꙋмꙋретїа ѿча. нѣ ѿць прѣ ча^е снѣꙋ свої. наслѣннїкы
- 22 ѿмѣнїю свої ѿставляюще. а' нїкто глѣть ѿ авелѣ.
- 23 ѿво ни своенѣ смꙋрїю оꙋмꙋреть. нѣ неволенѣ, ѿ негѣ фара.
- 24 прѣтївѣобразна бѣи прѣже поставїи своенѣ хїтросїю.
- 25 сдѣла^е ѿдола подобїа ѿ же сꙋтворїи ѿ испытанїѣ прїїа
- 26 ѿ тꙋ ѿзѣобразїи ѿ своѣ чада. оꙋмꙋрѣ во аронꙋ пожарѣ.
- 27 ѣгꙋ заже авраамꙋ, пожещїи хота ѿдолы ѿца своѣго.
- 28 вше^е же аронꙋ ѿз'нести ѿ хота, ѿ самꙋ сꙋгорѣ. сего ра^ѣ
- 29 чѣбеса бжїю ѿписанїю. на знамена^л глшїи. ѿ оꙋмꙋрѣ арѣ^н
- 30 прѣ фараѣ ѿцѣмꙋ свої, в земли вней са родїи в селѣ хлꙋдѣи

1 стѣ. и понаста авраамъ и нахоръ съвѣ женѣ. има
 2 женѣ авраамли, сарра. има женѣ нахоровѣ мелха.
 3 ащїи адрона. сѣ естъ ѡцъ мелдешинъ, и ѡцъ ехи. въ//
 4 аше сарра неплоды, и неражааше дѣтей, и пона фара
 5 авраама сѣна своего, и нахора, и лота сѣна адрона, и сар//
 6 рѣ невѣсткѣ своѣю. женоу авраамлю сѣна своего. и зве//
 7 дѣ ѣа ѡ земля халдѣйскїа, итїи на землю хананѣискѣ.
 8 и прїидоша даже и до харана и вселишася. быша еси
 9 днїе фары^{kk} въ харранѣ^{ll}. с. и .е. лѣ и оумре тѣ. ~
 10 Аврамъ^{mm} бо сїи .ди. лѣ, и бгорѣумїю спобїса, оучаше ѡца
 11 своего гла. чесо рѣⁿⁿ прелѣшаши члкы, прїѡврѣтенїа
 12 рѣⁿⁿ погибелнаго. нѣ истиннѣнъ бѣ сїи, такмо сїи и
 13 на нбсѣ и всего мира сътвори.^{oo} тако са глеть бгорѣумїи//
 14 ю сподовиса.^{oo} вїаа бо члкы вса теарѣ^{mm} работаша.
 15 и разлчнныа бгы наричюще, и кланашюсѣа и работа//
 16 юще. ѡхожааше по вса днїи и скрѣбаше ѡ нї, ища
 17 истиннаго ба, ища ѡ срѣа бгѣм^{ll} любїмаго, и тако вїи//
 18 да нбса, сѣга свѣтла, а ѡеогѣ ѡмрачна, глше, вѣсовѣ
 19 нѣ тако бѣ поевнъ, такѣ и слнцѣ и лхна. семоу^{kk} захо//
 20 дашю, илїи ѡмрачашю множайша, растѣши и оу//
 21 хаблашю. глше. нїи сїи сѡу бзи. еше^{kk} ни свѣзнїи шѣ//
 22 ствїи же, нїи деизанїи и прѣиспытала, бѣ бо свѣзѣо//
 23 законнїи истын, ѡцымъ бо своїи наказанъ. да ни сїи
 24 нїи нѣмъ вїнмыа, ѡврѣтаа сїи сздѣтѣла. печаленъ
 25 бываше сѣло и оунылъ, егѣ^{kk} бо лубовъ и желанїе ви//
 26 дѣвѣ. сзѣавѣ срѣа и роумѣваа вса дѣла наша ѣвїи
 27 емѣ. и ре^{ll} гѣ бѣ кз аврамѣ. изыди ѡ земля своѣа и ѡ ро//
 28 да своего, и ѡ домѣ ѡца своего. и прїиди вѣземлю ю тѣ
 29 покажо азъ, и сътворио тѣа въ ѣззыкѣ великѣ, и блгѣв//
 30 лю тѣа, и възвеличио имѣа твоѣ, и вѣдаши блгѣнъ, и

Б
 СЛО
 ДИ

- Глосса № 1** *VCh*, 27v Рядом с изображением креста на правом поле (на уровне 4–8 строк) значится: сѣ ѣсть прѣлѣсть | поганъскаѧ | ѿ ѿ нашей ли // | твѣ то са во // | дило злоѣ | дѣло ѿ до вито // | вта. Текст оформлен в форме нисходящего треугольника. Чернила и почерк иные, чем у основного текста.
- Глосса № 2** *VCh*, 27v Глосса № 2 оформлена так же, как и Глосса № 1, чернила более светлые. Той же рукой выполнены все позднейшие исправления и переделки Совьева текста. Тематически Глосса № 2 (строки 9–14) продолжает Глоссу № 1: (с)о вѣтѣтовѣ жонѣ | во ѿрѣколе сож // | гли | по смѣртнѣ ѿ по // | том поча // | ли перес // | таба // | ти ж // | єчи // | са | • |.
- Глосса № 3** *VCh*, 28r Глосса западнославянского происхождения. Читается вслед за Глоссой № 2 на уровне 15–18 строк. Трудночитаемая польская скоропись: *Sobius żył pod czas | Abimelecha, wide | multadejllobo | był Litewski* § 2 [б]. Глосса указывает на предшествующий текст, краткую редакцию Совьева сказания: «Совий жил во времена | Авимелеха, смотри | об этом больше | был литовский – лист 26».
- Глосса № 4** *VCh*, 28r Находится на уровне первой строки: *Baji wFylicza* «сказания изображают».
- Глосса № 5** *VCh*-28r Перечень балтийских теофорных имен (строки 3–5) сопровождается припиской: *a te prFijsūli | od SowFya, z Grek... | pod czas Abimelech(a)* «а те пришли | от Совия, от греков | во времена Авимелеха».
- Глосса № 6** *VCh*-28r Время составления *Хронографа* (строки 7–8) сопровождается записью: *wide tem[u] Lat. | Videsir.*

-----

^аБуквы сѣ надписаны: ѣлкѣжѣ. ^бНадписан слог сѣ: ѣлкѣжѣ. ^вАорист испр. на перфект: сѣтворѣ. ^гНадписан суф. -нѣз: вѣдѣ. ^дНадписан слог са: творашѣ снѣдѣ. ^еСлово закончено на поле: ди-кий. ^жАорист испр. на перфект: оѣмолѣ. Далее приписано слово единого. ^зНа левом поле приписан предлог ѿ. В итоге 26–27 строки приобрели следующую форму: ...кѣвѣтѣ жѣ прѣшѣ оѣмолѣ единого | ѿ роженѣ ѿ нѣгдѣ. ^иАорист испр. на перфект: пвстѣ. ^кАорист испр. на перфект: ѿпвстѣ. ^лНадписано слово ради: ...который кѣ ѿ цю... ^мПервая буква выступает на поле, выполнена киноварью. Над строкой помещена сноска в форме крестообразного знака: скажѣ +поганьскыѧ... На верхнем поле рукописи сноска раскрывается: + вѣмѣ. ^нГрафема и переправлена на в, сверху вставлена буква є; окончание аориста полностью стерто, глагол переправлен на форму 1 л. буд. вр.: прѣвѣѣ. Далее на поле

приписано: ёго к вамъ. ^аНа левом поле умещено: иъзшѣдъ. После позднейших изменений 13–14 строки выглядят так: и прѣидъ ёго квамъ | иъзшѣдъ въ адъ. ^аОригинальный текст стерт, с позднейшим написанием получается: и вложъ ёго скринѣ древанъ. В АХ: и вложъемоу и въ древо. ^аАорист испр. на перфект: положи. ^аНадписано слово спать: и положи и. ^{ста}ть. ^аПоверх слова оуъхъ надписано ѿ. ^аАорист испр. на перфект: почи. ^аИспр. на телавелъ. ^аВ слове къзици(е) графема и двоекратно переправлена, сначала на е, потом на ять, как и в предшествующем случае, окончание асс. исправлено на dat. В новом виде слово выглядит: къзициъ. ^аДобавлен слог мъ: сковавше. ^аПоверх еря вписан ять: совѣнъ. ^аДобавлено а: снъ. ^аПервая буква ж стоит на поле, вписана иными чернилами позднее. Переписчик предполагал вписать графему киноварью, но, видимо, забыл о ней. ^аАорист испр. на перфект: рѣ. ^аНадписано –овъ: рѣ. ^аПрибавлено в: прѣ. ^аПрибавлен ер: чъ. ^аАорист испр. на перфект: постави. ^аАорист испр. на перфект: сдѣла. ^аАорист испр. на перфект: сътвори. ^аПрибавлен ер: вше. ^аНадписан слог ли: на знаменъ глщи. ^аПрибавлен ер: арѣ. ^аАорист испр. на перфект, добавлен слог сѣ: роди сѣ. ^аДобавлен слог ны: фари. ^аДобавлена буква н: харранъ. ^аНачальная буква выполнена киноварью, выступает на поле. Надписана буква а: абрамъ. ^аИзмен. аорист: сътвори. ^аИзмен. аорист: сподобиса.

АРХИВСКИЙ ХРОНОГРАФ

ACb, 26v (a)

ACb, 26v (b)

1	въ прѣвдоу славенъ. зевъсъ въ бы со ѡ//	1	<u>Слово ѡсмоенадесать</u>
2	лзкминою сътвориса члкомъ. и ро//	2	Сѡбѣи бѣ члкъ. оуловишно ёмоу дѣвни
3	ди иракліа. и и многы повѣды сътво//	3	вѣпръ. иземше иъ него -ѡ- слезениць
4	ри иракліи. мнѡси же быша ѿ иркѣа//	4	и въдѣсть еи испечи роженымъ ѿ не//
5	пръвое славенъ илосъ црѣ. ѿ него лакъ//	5	го. ѡнем же иъдѣшимъ ѣ. разгнѣ//
6	демонстѣи црѣ. всѣ по радѡу ёллинѣ//	6	вавса на рѡжъиша ѿ него. покоу//
7	скъ невѣвимымъ привѣганѡтъ. бѣсни хва//	7	шавеса снѣти въ адъ. ѡсмерыми врѣ//
8	лаще своа дѣды ѡнсѣи. и дроугыи, и//	8	ты не възмогъ. дебатыми хотѣнѣ
9	раклѣи. и невѣрно ёсть ѡко бгъ боу//	9	свое оуполуочивъ. роженымъ ѿ него.
10	да смртѣи женѣ примѣнсиса. оу//	10	рѣкше сномъ. вратѣи же ёго негодова//
11	коръ же паче рѡдоу ёго. и тѡи пристра//	11	вшимъ на нь. испросиса оу нѣ дошедъ.
12	стнѣ нѣ бгъ. замѣ ко ѡлзкминѣ женѣ//	12	възищу ѿца своего. и прѣиде въ адъ.
13	ѡфитриѡнѣ примѣнсиса. блѡу бо тво//	13	ѿцо же вечеравшо с нимъ. сътвори
14	раше с нею. сегѡ рѡди оубожиша ира//	14	ёмоу лѡже и погрѣе и въ землѣи. наоутрѣ
15	клѣа. ии совѣеѡа мнѡгаго родѡу оу//	15	въпроси ёго. въставшимъ, добро ли

16 дѣвати.^а вѣрѣтъ великаго ѡграже//
 17 нїа. оуловиешю дїени вѣпрѣ. стоѣ//
 18 нѣ даѣше тѣмъ пищѣ. ѡскоушаашѣ
 19 пройтї въ ѡдѣ. ѡ вѣпрашавшоу же са
 20 ѣмоу пройтї въ ѡдѣ. невззмогшоу са
 21 ѣмъ пройтї вѣраты ѡсмью въ ѡдѣ.
 22 кз деватым же прише. оумоли рожѣ//
 23 нымъ ѡ него. ѡ поустї ѡ въ ѡдѣ. ко//
 24 таравше же са на нь вѣратїа ѣго, ѡко
 25 ѡспоустї ѡца ѡхъ въ ѡдѣ, ѡнъ же ѡ//
 26 зѣвѣ же которыхъ кз ѡцѣ своемоу въ ѡ//
 27 дѣ. ѣго въ землї чрзѣми снѣдаѣмъ бы//
 28 вше. ѡ ѡнѣми многыми. ѡ въ дрѣвѣ
 29 бчелами. ѡ ѡсами и комари снѣдаѣмъ
 30 бывашѣ. ѣмоу на крадѣ ѡгньнѣнї
 31 ѡзгорѣвшю. ѡко на въздоу сѣ поко//
 32 ѡноу бытї: ~
 33 оуказъ же поганскон прельсти
 34 Сїце. ѡже совна бгомъ нарицаѣтѣ.

16 покойше ѡмѣ. ѡномоу же възпнѣшѣ
 17 ѡхъ, чрзѣми ѡззѣдѣнъ бы. ѡ гѣды. па//
 18 кы же наоутрїи сзтвори ѣмоу вечерю.
 19 ѡ вложышѣмоу ѡ въ дрѣво ѡ положи ѡ.
 20 наоутрїне възпросї ѡ. ѡнъ же рече ѡко
 21 бчелами ѡ комары многыми снѣдѣнъ
 22 бы. оухъ ми, ѡко тѣжко спѣ. пакы же
 23 наоутрїне сзтворнѣз крадоу ѡгнѣноу
 24 великоу, ѡ врже ѡ на ѡгнь. наоутрїѣ
 25 възпросї ѣго. доврѣ ли почи. ѡномоу же
 26 рѣкшъ, ѡко дѣтншѣ въ колыбѣли слѣ//
 27 ако спахъ. ѡ великаа прѣлесть дїаво//
 28 льскаа. ѡже възведе въ литовскыи рѣ
 29 ѡ ѡтвѣзѣ. ѡ въ проусы. ѡ въ ѣмь. ѡ во
 30 либѣ. ѡ ныа многы ѡззыкы. ѡ^ю же
 31 совнѣно наричютса. мнаше ѡ дшѣ//
 32 мз соймъ соуша провѣдника въ ѡдѣ.
 33 сѣва. бывшоу ѣмоу въ лѣта ѡвнѣ//
 34 лѣха. ѡже ѡ ннѣ мртѣа телеса своа
 35 сзжиганѣтъ, на крадѣ. ѡко ѡхнѣшѣ
 36 ѡ ѣднѣ. ѡ ѡнїи по радоу ѣллини. Сїю
 37 прелесть совнї възведе внѣ. ѡ прино//
 38 ситї жрѣтѣоу скѣрнымъ бгомъ
 39 ѡндаѣвн. ѡ перкоунонн. рѣкше грѣ//
 40 моу. ѡ жворѣнѣ. рѣкше, соуцѣ.

Асв, 27г (а)

1 ѡ телавели. кз коузнѣнѣ. сковавше
 2 ѣмоу снѣце. ѡко свѣтитї по землї. ѡ
 3 възвергшю ѣмоу на нѣо снѣце. Сї же
 4 прѣлесть скѣрнаа. прїнде в нѣ ѡ ѣлли//
 5 нѣ. лѣтѣ же ѡмѣнѣтъ ѡ ѡвнѣлѣха
 6 ѡ многого родоу скѣрнаго сѣва. до сѣ//
 7 го лѣта вна же ѡнахоу писати кнїи//

Асв, 27г (б)

1 сзгорѣ. сего ради чюднѣса бжїю ѡсписа//
 2 нїю. на знамена глѣшнї. ѡ оумѣ дрѣнъ
 3 прѣ флороно ѡцѣмъ соймъ. въ землї внѣ
 4 са родн. възсѣлѣхъ халдѣнѣстѣхъ. ѡ по//
 5 ѡста ѡвралмъ ѡ нахоръ сѣвѣ жѣнѣ. ѡма
 6 жѣнѣ ѡбраамлн, сѣрра. ѡма жѣнѣ нахо//
 7 ровѣ. мѣлха. дшн ѡдррона. Сѣ ѣсть ѡцѣ

8 гы сѣ. єсть. лѣ. г. и. ѱ. и. м. и
 9 с. лѣ: ~ЖИ рагав, родивъ сероу//
 10 ха .с. и .з. лѣтъ. и роди сны и дщѣ//
 11 ри и оумре. и жи сероу .р. и .л. лѣтъ.
 12 и роди нахора. и житъ сероу, родивъ на//
 13 хора .с. лѣтъ. и роди сны и дщѣри и
 14 оумре. и житъ нахоръ .о. и .а. лѣтъ//
 15 тъ. и роди фъръ. и житъ нахоръ роди//
 16 въ фъръ .р. и .к. и .а. лѣтъ. и роди
 17 сны и дщѣри и оумре. и житъ фара .о.
 18 лѣ. и роди авраама. и нахора. и нара//
 19 на. Сѣ же бытіа фърры. фърра роди
 20 авраама. и нахора. и арана. аранъ роди
 21 лота. И потомъ житъ. фърра. лѣ
 22 .р. и .л. и .е. и оумре. живъ же всѣхъ
 23 лѣтъ .с. и .е. бѣ же и тои коумиро//
 24 творецъ ѿ каменіа и древа твора. и про//
 25 даа. растоѣше тако время въ .к. рѣ
 26 да и дотолѣ. лѣ .г. и .т. и .к. и
 27 .а. лѣтъ. ѿ адама. до авраама. ета
 28 лѣта. никто преже роженнѣ члкъ, ѣ//
 29 влаѣтса пре оумретіа ѿча. нѣ ѿць пре
 30 ча^и своѣ. наследники именіи своѣ ѿста//
 31 влаѣюще. а никто не глеть ѿ авелѣ.
 32 ивѣ ни своѣо смртѣно оумреть, нѣ не//
 33 воленѣ. ѿ негѣ фърра. противоубра//
 34 зна бгови препостави своѣо хитро//
 35 стіо сздѣла идола подобіа, ихъ же
 36 сзтвори. испытаніемъ пріатъ. и то
 37 изообразивъ ѿ своѣо чада. оумре вѣ
 38 аранъ пожаромъ егѣ зажже авраамъ.
 39 пожеши хота идолы ѿца своѣо. въ//
 40 ше же арана изнести а хора, и самъ

8 мелешинъ. и ѿць єхи. бѣнаше сърра не//
 9 плѣды. и нерожааше дѣтѣи. и поа фър//
 10 рра, авраама сѣа своѣо. и нахора. и лѣ//
 11 та сѣа адрона. и сърроу невѣстоу свою.
 12 женоу авраамлино сѣа своѣо. и зведе а
 13 ѿ землѣ халдѣйскы. ити на землѣо ха//
 14 нанѣйскоу. и прѣдоша даже и до харра//
 15 на и вселиша. быша же еси днѣе фърры
 16 въ харранъ .с. и .е. лѣтъ. и оумре тъ: ~

Глосса № 1

18
 19
 20
 21
 22
 23
 24
 25
 26
 27
 28
 29 Слѣ авраамънадецать^е
 30 Аврамъ вѣ сѣи. дѣ. лѣтъ. и бгѣоразъ//
 31 мино сподобѣса. оучаше ѿца своѣо.
 32 гла. чесо рѣди прелщаѣши члкъ. при//
 33 ѿбрѣтѣніа рѣди погыбѣлнаго. иѣ
 34 истиненъ бгъ сѣи. токмо сѣи на несѣ
 35 и всего міра сзтвори. тако са глеть
 36 бгѣоразъмино сподобѣ. вѣда вѣ члкъы
 37 еса. теаремъ работѣща. и разли//
 38 чныа бѣгы наричюще. и кланѣюще са
 39 и работѣще. ѿбхожааше по еса
 40 днѣи и скрзѣаше ѿ нихъ. ища истинна бѣ.

Глосса № 1 Между словами в *АХ* оставлено свободное пространство размером *АСb*, 27г (b) в 12 строк. Чаще всего сюда вписываются названия слов и глав, подобранные к тексту переписчиком *АХ* (к такому роду дополнениям принадлежит и название восемнадцатого слова – *АСb*, 26v (а: 33–34)). В данном случае на свободном пространстве умещен более обширный текст, вследствие чего строка 29 с указанием на девятнадцатое слово стерта. Вставной отрывок начинается новую главу № 92. Название выполнено киноварью на правом поле: Ѡ АѢРАМЪ КАКО | РАЗЪМІЮ СПѠЕ | ЧѢ. Текст глоссы, вписанный более мелким почерком, занимает 18 строк: ВЪ ДНИ ЖЕ ѠНЫ РѠСА АѢРАМЪ. И ДА БЫ Ѡ ОЦА СОЕ. | ИАОУЧИТИ ЗЕВЪДОЧЕТИЮ И ИСКАШЕ ТВОРЦА. | И БОУ СЛНЦЪ И ЛВНѢ. И ЗЕВЪДАМЪ. И НЕВѢ ЕМОУ Ѡ// | БРѢСТИ Ѡ СІ РАЗЪМЪ. ѠЦЪ ЖЕ ЕГО ВѢ ИДОЛО// | ТВОРЕЦЪ. И ВИДѢ АѢРАМЪ БОГЫ ѠЦА СВОЕГО. | И РЕ ВЪ СЕБЕ Ѡ КАКО ѠЦЪ МОИ БОГЫ ТВОРА И | ОБАВЛАА И. НЕ МОЖЕ МИ ИЗВѢСТИ. НИ ТВОРЦА | НБОУ И ЗЕМЛИ. СЛНЦОУ ЖЕ И ЛОУНѢ. И ЗЕВЪДАМЪ. | СИЦЕ ВЪЗВРАШАА АѢРАМЪ В РАЗЪМѢ СВОЕ.М | И БѢШАЕ ВЪ ПОМЫСЛѢ МНОСѢ. И БЫ ВЪ ДНѢ | ЕДИНЪ. ВЪСТАЕВ ОУТРОБЪ ЗАПАЛИ ХРАМИ// | НОУ. ИДѢ ЛѢЖААХЪ БСИ ѠЦА ЕГО. И ЗАПА// | ЛИВШИСА ХРАМИНѢ СЪ БОГЫ. ВЪСТАЕВ ЖЕ | ФАРА БРАТЪ ЕГО. ѠЦЪ ЛОТѠВЪ. ДРЪЗНЪ | ИЗАТИ БОГЫ Ѡ ОГНА. И СЪЖЖЕНЪ БЫ// | СТЬ СЪ БОГЫ ѠЦА СВОЕГО. ВИДѢВ ЖЕ | ГЪ БЪ ХОТЕННЕ АѢРАМЪМО. НАКО ТЪИ | ЕДИНЪ ВЪЗЛИБИ БОУ ДРОУГЪ БЫТИ.

-----
^аОписка: оудѣвати вместо оувѣдати. ^бМестоимение ю испр. на и: иже.
^сСнизу строки приписана графема ц: кз коузнѣюб. ^дНадстрочно добавлено слово спѠз: прѣ чѣ сѠбѣи. ^еДвадцать девятая строчка из-за помещенной выше глоссы стерта, но все же достаточно отчетливо просматривается.

КОММЕНТАРИИ

VCb, 27г (22–23); *АСb*-26v (а: 15–17): НѢ СОВѢВА МНОГАГО РОДЪ ОУВѢДАТИ ВОРОТЪ ВЕЛИКАГО ѠГРАЖЕНІА – оборот с одним отрицанием (без вторичной негации при сказуемом). Попал в рукопись под воздействием фольклорно-разговорного стиля³⁹. Фраза чрезвычайно важна для фольклористического

³⁹ *Историческая грамматика русского языка*: Синтаксис. Простое предложение, под ред. В.И. Борковского, Москва: Наука, 1978, с. 319–336 (с указанием дополнительной литературы к рассматриваемому вопросу).

анализа текста, т. к. раскрывает начальную ситуацию первого элементарного сюжета: нехватка, недостача чего-л., невозможность что-л. достичь – «Великий Совеьв род не мог / не суждено было уведать ворот великого огражения».

VCb, 27г (24); *ACb*, 26v (а: 17–18): $\text{CTO}\hat{\text{V}}\text{N}\hat{\text{T}}\hat{\text{B}} \text{ ДА}\hat{\text{L}}\hat{\text{Ш}}\hat{\text{E}} \text{ Т}\hat{\text{M}} \text{ ПИЩ}\hat{\text{A}}$ «неподобающе дал тем [детям] пищу». Наречие $\text{CTO}\hat{\text{V}}\text{N}\hat{\text{T}}\hat{\text{B}}$ в значении «ненадлежащим, постыдным образом, неправильно». Ср. фрагмент о неподобающем рождении Афродиты: $\text{KPOH}\hat{\text{Z}} \text{ B}\hat{\text{E}}\text{CTA} \text{ HA} \text{ O}\hat{\text{B}}\hat{\text{C}}\hat{\text{A}}$ $\text{CBOE}\hat{\text{G}}\text{O} \text{ ГЛ}\hat{\text{E}}\text{M}\hat{\text{A}}\text{ГO} \text{ ДА}\hat{\text{M}}\hat{\text{I}}\hat{\text{A}}$, $\hat{\text{H}} \text{ W}\hat{\text{O}}\hat{\text{P}}\hat{\text{B}}\hat{\text{Z}}\hat{\text{A}}\hat{\text{E}}\hat{\text{Z}}$ $\text{O}\hat{\text{V}}\hat{\text{D}}\hat{\text{A}}$ $\hat{\text{E}}\hat{\text{G}}\text{O}$ $\text{TAI}\hat{\text{H}}\hat{\text{N}}\hat{\text{Y}}\hat{\text{A}}$ $\text{B}\hat{\text{Z}}\hat{\text{E}}\hat{\text{R}}\hat{\text{Z}}\hat{\text{E}}$ $\text{B}' \text{ MOPE}$. $\text{ПРИПЛ}\hat{\text{A}}\hat{\text{B}}\hat{\text{E}}\hat{\text{Ш}}\hat{\text{E}}$ $\text{TAI}\hat{\text{H}}\hat{\text{N}}\hat{\text{Y}}$ $\text{O}\hat{\text{V}}\hat{\text{D}}\hat{\text{O}}\hat{\text{E}}\hat{\text{Z}}$ $\text{W}\hat{\text{O}}\hat{\text{P}}\hat{\text{E}}\hat{\text{Z}}\hat{\text{A}}\hat{\text{N}}\hat{\text{I}}\hat{\text{E}}$ $\text{K}' \text{ BEREГ}\hat{\text{Z}}$ $\hat{\text{A}}\hat{\text{F}}\hat{\text{P}}\hat{\text{O}}\hat{\text{D}}\hat{\text{I}}\hat{\text{T}}\hat{\text{A}}$ $\text{B}\hat{\text{I}}\hat{\text{D}}\hat{\text{E}}\hat{\text{B}}\hat{\text{E}}\hat{\text{Ш}}\hat{\text{I}}$ $\hat{\text{H}}$ $\text{B}\hat{\text{Z}}\hat{\text{A}}$ $\hat{\text{H}}$, ДА $\hat{\text{W}}\hat{\text{O}}\hat{\text{B}}\hat{\text{O}}\hat{\text{G}}\hat{\text{A}}$ $\text{TEOPO}\hat{\text{A}}\hat{\text{Ш}}\hat{\text{E}}$ $\text{MO}\hat{\text{U}}\hat{\text{J}}\hat{\text{B}}\hat{\text{Y}}\hat{\text{C}}\hat{\text{K}}\hat{\text{A}}\hat{\text{A}}$, $\hat{\text{A}}$ $\text{ДР}\hat{\text{A}}\hat{\text{G}}\hat{\text{A}}\hat{\text{D}}\hat{\text{Y}}$ $\text{C}\hat{\text{T}}\hat{\text{A}}\hat{\text{Ш}}\hat{\text{A}}$ $\text{ЖE}\hat{\text{H}}\hat{\text{Y}}\hat{\text{C}}\hat{\text{K}}\hat{\text{A}}\hat{\text{A}}$. TAKO $\text{O}\hat{\text{V}}\hat{\text{B}}\hat{\text{O}}$ TA $\text{CT}\hat{\text{A}}\hat{\text{D}}\hat{\text{N}}\hat{\text{T}}\hat{\text{H}}$ $\text{ПOP}\hat{\text{O}}\hat{\text{H}}\hat{\text{T}}\hat{\text{B}}$ $\text{ЧTE}\hat{\text{T}}\hat{\text{S}}\hat{\text{A}}$ $\text{B}\hat{\text{G}}\hat{\text{Y}}\hat{\text{H}}\hat{\text{H}}$. ПAKY $\text{BЛО}\hat{\text{V}}\hat{\text{H}}\hat{\text{N}}\hat{\text{Y}}$ $\text{PA}\hat{\text{D}}$ $\text{M}\hat{\text{F}}\hat{\text{Ш}}\hat{\text{E}}\hat{\text{H}}\hat{\text{I}}$ $\text{CKE}\hat{\text{B}}\hat{\text{E}}\hat{\text{P}}\hat{\text{H}}\hat{\text{Y}}$ $\text{TAI}\hat{\text{H}}\hat{\text{N}}\hat{\text{Z}}$ (*BX*, 26г). Предположение А. Ю. Греймаса, будто Совий дает своим детям пищу в *сыром* виде, не выдерживает критики. Выражение «поймал дикого кабана, неподобающе дал тем пищу» отражает повествовательную динамику, свойственную произведениям нарративного фольклора, – изображение неправильного поведения.

VCb, 27v (18–19); *ACb*, 26v (b: 19): В *BX* – следы интенсивного стирания и нанесения нового текста поверх старого. Бурое пятно, возникшее вследствие очевидной правки, заметны «издалека», еще на развороте страницы. И расположением букв, и почерком, и чернилами новое написание отчетливо контрастирует с оригинальным. Для наглядности первоначальный текст укажем жирным шрифтом, новый – курсивом:

... $\hat{\text{H}}$ $\text{BЛО}\hat{\text{V}}\hat{\text{H}}\hat{\text{N}}\hat{\text{Y}}$ $\text{E}\hat{\text{G}}\hat{\text{O}}$ $\text{CKP}\hat{\text{H}}\hat{\text{H}}\hat{\text{O}}$ $\text{ДР}\hat{\text{E}}\hat{\text{B}}\hat{\text{Y}}\hat{\text{A}}\hat{\text{H}}\hat{\text{Z}}$ $\hat{\text{H}}$ ПOЛOЖИ $\hat{\text{H}}$ $\text{ПAT}\hat{\text{Y}}$

Ф. Добрянский, а вслед за ним и все другие издатели текста вторичные исправления никак не оговаривали, преподносили новацию в качестве оригинального написания. Из-за кажущегося разночтения – в *AX* «и вложьшему и въ древо и положи и», в *BX* якобы «и вложилъ его во скриню древяну и положил и спать» – образцовой была названа рукопись бывшего Архива Министерства иностранных дел, вильнюсский же список стал рассматриваться на правах изначально испорченного и поэтому менее ценного варианта. Позднее в балтистике возникла особая проблема – «проблема второго способа погребения» (*Gintaras Beresnevičius*), ровно как и необходимость ее решения.

На основе просматривающихся букв, сохранившейся диакритики, а, главное, краткой редакции Совеьва сказания, где нет ни слова о «скрыне

древяной» (ѣгѣ в земли червьми снѣдаѣ^м бывааше ѿ инѣми многыми, ѿ въ дръвѣ вчелами, ѿ ѡсѣвѣми, ѿ камары снѣдаѣмъ бываше), с легкостью восстанавливаем первоначальный вид текста, вне всякого сомнения, тождественный с Архивским изводом: *и вложышемоу ѿ въ древо ѿ положи ѿ. Об «особом варианте» Совьевой басни, следовательно, говорить некорректно, в противном случае на основании золото-серебряного оклада пришлось бы рассуждать об особом варианте Остробрамской иконы Божьей матери, «Троицы» А. Рублева и т.п.

VCh, 27v (29–30), 28r (1); *ACh*, 26v (b: 35–37): ...ѿ ннѣ мртѣв телеса своѣ сжѣгаю, на крадѣ. ѿкъ ѡхилеѡ. ѿ ѣланѣтъ. ѿ инѣи по рѣчѣ ѣлини. сѣю прѣлесть совѣно въведе вѣнѣ... Данный синтагматический отрезок можно делить по-разному: «...и ныне мертвые телеса свои сжигают на крадах, как Ахилес и Эант и иные по род элины. Сию прелесть Совий завел у них...» или «...и ныне мертвые телеса свои сжигают на крадах. Как Ахилес и Эант и иные по роду элины, сию прелесть Совий завел у них...» Оба чтения одинаково правомерны.

VCh, 28r (3–4), *ACh*, 27r (a: 1–2): *ѿ приносѣт жрѣтѣх... ѿ телавели къ кѣзѣнѣцѣ, сковавше ѣмъ слнѣце, ѿкъ свѣтити по земли, ѿ възвергшю ѣмъ на нѣо слнѣце. По вопросу об образе Телявели существует богатая литература. Особенно много внимания ему уделал В. Топоров. В тексте *Хронографѣ* существует место, ставящее под сомнение обоснованность всех предпринимаемых интерпретаций, а именно: сѣлѣлѣ^ж рѣтѣ ѿ татовѣла, сѣ вѣ кѣзѣнѣцѣ мѣди ѿ желѣзѣж... (*ВХ*, 16v; из *Быт.* 4,22, ср.: «Цилла также родила Тувакаина, который был ковачом всех орудий из меди и железа»). Созвучие имен, а главное тот же самый род занятий, позволяют усомниться в аутентичности теонима.

VCh, 28r (4–5), *ACh*, 27r (a: 3): После литературных авторских раскладок писатель на мгновение вновь обращается к фольклорному нарративу. Соблюдение фольклорной поэтики требует употребления ДС (неизменный атрибут устного фольклорного текста): сѣю прѣлесть совѣно въведе вѣ нѣ, *ѿ приносѣт жрѣтѣх скверны^м бѣмъ, ѿнѣдѣѣѣ. ѿ перкоунови. рекше грѣмъ. ѿ жеворнѣ. рекше сѣце, ѿ телавели къ кѣзѣнѣцѣ, сковавше ѣмъ слнѣце, ѿкъ свѣтити по земли, ѿ възвергшю ѣмъ на нѣо слнѣце. сѣ прѣлесть сквернаѣ прѣидѣ в нѣ ѡ ѣлины... (*ВХ*); Сѣно прѣлесть совѣни въведе в нѣ. *ѿ приносити жрѣтѣоу сквернымъ бѣгомъ ѿндаѣѣви. ѿ перкоунови. рекше грѣмоу. ѿ

⁴⁰ Добавлением слога мѣ переправлено на ДС: сковавше^м ѣмъ.

жвороунѣ. рѣкше, соуцѣ. и телавели. кз коузнѣѡ. сковаше ёмоу слнѣ.
нѣко свѣтити по землѣ. и възвергашо ёмоу на нѣбо слнѣ. ѣ же прѣлестъ
сквѣрнаа. прїидѣ в нѣ ѡ ѣллиѣ... (АХ). Использование свободного падежа,
как и до этого, приводит к неоднозначности содержания. Не понятно, кто
забрасывает солнце на небо.

Iteikta 2006 06 13
Priimta 2006 06 27

Ilja Lemeškin

JONAS MALALAS IR TAUTOSAKINIS PASAKOJIMAS
 APIE SOVIJŲ 1262 M. *CHRONOGRAFE*:
 VERSTINĖ BIZANTIJOS KRONIKA IR
 SENOJI LIETUVOS LITERATŪRA

Santrauka

Nuo XIX a. pabaigos tapęs nuolatinio domėjimosi objektu, 1262 m. *Chronografas* buvo tiriamas dviem aspektais. Bizantininkai, o kartu su jais slavų raštijos istorikai, *Chronografą* laikė viena iš verstinės Jono Malalo kronikos realizacijų slavų kultūros pagrindu. Sovijaus glosa, esanti *Chronografe*, buvo naudojama dažniausiai vien senovės rusų Malalo datavimui. Baltistikoje nuo pat pradžių *Chronografas* užsitikrino vertingiausio baltiškiosios religijos ir mitologijos šaltinio statusą. Unikalus folklorinis naratyvas buvo mechaniškai išimamas iš pasakojimo ir tyrinėjamas nepriklausomai nuo konteksto. Literatūrinė meninė XIII a. kūrinio pusė atsidūrė už mokslinių interesų – tiek bizantiškųjų, tiek ir baltiškųjų – ribos. Laikant rankraštį retų tekstų „saugykla“ jam iki šiol nepripažįstamas kūrinio, galinčio reikšti nežinomo autoriaus meninės ambicijas, statusas.

Rankraščių (*Archyvinio* ir *Vilniaus*) analizė leidžia atskleisti svarbų literatūrinį potencialą, padaryti išvadą, kad prieš mus – ne pašalinė svetimo siužeto fiksacija, bet *savos* literatūrinės kūrybos produktas. Būtent čia ir tik čia autorius savo vardu kreipiasi į skaitytoją, datuoja savo literatūrinį veikalą. Norėdamas pavaizduoti „savąjį Sovijų“, autorius pasitelkia ypatingas priemones – neįprastas, jei laikysime, jog įprastinis kompiliacinis sąvadas buvo tik mechaniškai plečiamas.

Ypatingas dėmesys straipsnyje kreipiamas į teksto struktūrą. Krinta į akis, jog *Chronografo* autorius nekeičia nusistovėjusios siužetinės kompozicijos, nepažeidžia kalbinės poetinio kūrinio harmonijos. Paslėptą, dėl pastangų išlaikyti folklorinę poetiką, informaciją anoniminis kūrėjas perduoda meniškai, įterpdamas Sovijų į atitinkamą kontekstą (po Heraklio, prieš Farą ir Araną); tam reikalui jisai naudoja kompozicines bei sti-

listines meninės kalbos priemonės. Baltiškoji sakmė paskelbiama Antikos laikų palikimu, todėl prieš ją iš anksto išsirikiuoja paruošiamieji žodžiai su „giminingais“ siužetais iš Malalo (d. 16–17). Literatūrinės autoriaus intencijos tuo neapsiriboja – Sovijaus atgarsiai paskirstyti ir tolesniame pasakojime. Eksplisitinė nuoroda į Sovijų sakmėje apie Melchizedeką (d. 32) paaiškina paslaptingo homonimo etimologiją ir reikšmę, be to, padeda visapusiškiau suvokti literatūrinius uždavinius. Tekstologinis tyrimas atskleidžia atvejį, kai Sovijaus „sakmė“ daro įtaką verstiniam (originaliam) Malalo tekstui, o tai iš esmės keičia supratimą apie Sovijaus vietą ir vaidmenį *Chronografo* struktūroje.

Apibendrinus sukauptą tyrimui medžiagą straipsnyje hipotetiškai tvirtinama, jog *Chronografą* kūrė ne perrašinėtojas-kompiliatorius, o bevardis baltų „literatas“, greičiausiai iš Juodosios Rusios, galbūt iš Mindaugo sūnaus Vaišelgos aplinkos. Kaip ir kiti Viduramžių kūriniai, 1262 m. *Chronografas* atsirado „tam tikra proga“. Medžiagos šio kūrinio genezei suteikia jo sukūrimo data. Pasirodęs kartu su kylančia politinės bei karinės opozicijos krikščioniškajam pasauliui banga (1260 m. – Durbės mūšis ir Didžiojo prūsų sukilimo pradžia), *Chronografas* neblogai atliepia istoriniam procesui ir liudija jaunos karalystės grįžimą prie savo „antikiškumo“. Tokia tendencija straipsnyje aiškinamas Sovijaus ir Jono „Govoruno“ teksto panaudojimas.

Ilya Lemesbkin

JOHN MALALAS AND THE ETHNOGRAPHIC STORY ABOUT
SOVIUS IN THE CHRONOGRAPH, 1262: BYZANTINE
CHRONICLE IN TRANSLATION AND THE ANCIENT
LITERATURE OF LITHUANIA

Summary

Since the end of the 19th century becoming a subject of ceaseless scholarly interest, the *Chronograph* of the 1262 was analyzed in two aspects. Researchers of Byzantine culture along with historians of Slavonic writing considered the *Chronograph* among the realizations of the translated chronicle by John Malalas on the basis of Slavonic culture. The Sovius gloss present in the *Chronograph* was most frequently used solely for dating the ancient Russian Malalas. While in the Baltic studies, since the very beginning the *Chronograph* secured status of the most valuable source of the Baltic religion and mythology. The unique folkloric narrative used to be mechanically detached from its textual context and studied separately. The artistic literary side of this 13th century composition happened to fall behind the range of scholarly interests, both Byzantine and Baltic. The manuscript is still considered merely as “repository” of rare texts and is still denied status of a composition capable of expressing artistic ambitions of its unknown author.

Analysis of both manuscripts (the *Archival* and the *Vilnius* ones) enables revealing the important literary potential and drawing a conclusion that we are dealing here with a result of *original* literary creativity rather than an extrinsic fixation of foreign story. It is here and only here that the author addresses the reader in his own name, dating the start of his literary creation. In order of representing his “own Sovius”, the author employs exceptional means; quite unusual, should we maintain that the ordinary compiled index was merely mechanically expanded.

Special emphasis is placed in the article on the textual structure. It is evident, that the author of the *Chronograph* neither changes the established story-line composition nor disrupts the linguistic harmony of

the verbal poetic piece. The anonymous author communicates the hidden information, affected by folkloric rites, in an artistic way, inserting Sovius into an appropriate context (after Heracles, right before Phares and Aram) and using the required composition and stylistic means of the artistic language. The Baltic legend is declared an antique heritage, therefore certain preparatory words and “related” plots from Malalas (sections 16–17) are aligned beforehand. This does not confine literary intentions of the author: echoes of Sovius are distributed along the further narrative as well. An explicit reference to Sovius in the legend of Melchisedec (section 32) not only highlights the etymology and meaning of an obscure homonym, but also facilitates more thorough understanding of literary tasks. The textual analysis points out a case of the “legend” of Sovius influencing the translated (original) text by Malalas, which essentially alters the common understanding of Sovius’ place and role in the structure of *Chronograph*.

After summing up the materials accumulated for the study, the investigator goes on to propose a hypothetic assumption of the *Chronograph* being composed by an anonymous Baltic “man of letters”, most probably coming from the Black Russia, possibly from the milieu of Vaišelga, Mindaugas’ son, rather than some scribe compiler. Along with other medieval compositions, the *Chronograph* of the 1262 was an “occasional” creation. Material for its genesis can be found in the date of its composition. Having appeared along with the raising wave of political and military opposition towards the Christian world (the year 1260 saw the battle at Durbe and the start of the Great Prussian rebellion), the *Chronograph* fairly resounds the historical process and indicates the return of the new kingdom to its “antique” nature.